

Министерство науки и высшего
образования Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

**INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(23–24 апреля 2021 г)**

**Материалы XXIII Международной
конференции молодых ученых**

Томск
2021

УДК 30
ББК 60Я43
А43

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель – **А.Б. Ворожцов** проректор по научной и инновационной деятельности НИ ТГУ
Ответственный секретарь конференции – **Ю.Н.Кириленко**, доцент, к.филол.н., НИ ТГУ

Е.В. Сухушина, декан, доцент, НИ ТГУ

Е.А. Аверина, ст.преп., зам.декана по УР ФсФ., НИ ТГУ

В.А. Суровцев, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

В.Н. Сыров, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

А.Ю. Рыкун, профессор, д.социол. н. НИ ТГУ

В.В. Кашпур, доцент, к.соц.н, НИ ТГУ

Н.Н. Зильберман, доцент, к.филол.н., НИ ТГУ

И.В. Черникова, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

А43 **Актуальные проблемы социальных наук (23–24 апреля 2021 г.) Материалы XXIII Международной конференции молодых ученых / Под редакцией Ю.Н. Кириленко.** – Томск, 2021. – М.: Издательство «Перо», 2021. – Мб. [Электронное издание]. – Систем. требования: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; 512 Мб ОЗУ; Windows XP/7/8; видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit). – Загл. с экрана.

Представлены материалы XXIII Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», прошедшей 23–24 апреля 2021 г. в Томском государственном университете.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 30
ББК 60я43

© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Айдос А.</i> Миф в XX веке.....	8
<i>Априсяни А.</i> Анализ биоэтических принципов в крионической технологии	11
<i>Белова Е.Е.</i> Структура чувств метамодернизма: ирония и искренность.....	14
<i>Вяткина А.А.</i> Диахронический характер моды: самопрезентация субъекта сквозь призму повседневности	16
<i>Григорюк А.А.</i> Исторически-философские основания феномена уголовных понятий	18
<i>Гурский Н.М.</i> Парресия как дар	20
<i>Зыонг Тхи Кам Н.</i> Несовершенные обязанности Канта как основа для принятия генной инженерии	23
<i>Изрина С.О.</i> Модель человека «homo androgynous» в современном социокультурном пространстве.....	25
<i>Исаев Э.В., Савикин А.Н.</i> Гуманитарное образование современного инженера: необходимость или излишество	27
<i>Корнеицук А.А.</i> Этика дискурса в эпоху глобализации	29
<i>Крупницкая О.Е.</i> Поведенческая модель «Поколения Z»: специфика формирования.....	31
<i>Кудрин Ю.А.</i> Философская концепция либерализма Исайи Берлина.....	33
<i>Кусеинова А.Ж.</i> Психоаналитическая интерпретация ритуала.....	35
<i>Макаренко М.В.</i> Сетевое общение как условие трансформации коммуникативной культуры: антропологический дискурс.....	37
<i>Макарчук И.Ю.</i> А.И. Солженицын о саморазрушении мира в темпловской лекции.....	39
<i>Маляревич Д.В.</i> Фетишизация вождя.....	42
<i>Моисеев С.В.</i> Теория добродетели в работах Аристотеля и Аласдера Макинтайра	44
<i>Несмиянов В.О., Малюта В.И., Харитоненко Д.И.</i> Расовая антропология – миф А. Розенберга.....	46
<i>Никифоров М.А.</i> Свобода это небытие всех «кроме».....	48
<i>Новикова В.С.</i> Социополитические процессы как исток тишины в музыке.....	50
<i>Потапова Д.Д.</i> Состояние феминизма в современном российском обществе.....	53
<i>Потехина К.И.</i> Русский анархо-монархизм как социофилософский феномен.....	55
<i>Пряничников Н.О.</i> Нарушения сознания как объект исследований в современной философии сознания.....	57
<i>Романова Е.Д.</i> Понятие нравственности в неопрейдизме Карен Хорни.....	59
<i>Сафроненкова А.С.</i> Модель современного человека через призму экологического сознания.....	61
<i>Сединин Я.А.</i> Пластичность и социальный фантазм как основа нарратива.....	63
<i>Сорокина М.А.</i> Неопределенность как онтологическое поле современной науки и философии	65
<i>Ташкенова Д.Ш.</i> Сравнение концепций «закрытого» и «открытого» обществ Анри Бергсона и Карла Поппера	67
<i>Уктамов Ж.А.</i> угли. Эгоцентризация как один из факторов социального отчуждения	69
<i>Фоменко А.П.</i> Homo utoricus, или еще одна история о том, как постмодернизм выставил субъекта за дверь и протащил его обратно в окно.....	71
<i>Шипицын А.И.</i> Биополитика как механизм коллективной безопасности	74

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Алябьева Т.Б.</i> Цифровое неравенство и пандемия Covid-19: философский анализ	76
<i>Артох Е.С.</i> Неклассические теории как альтернатива корреспондентской концепции истины.....	79
<i>Архипов С.А., Сединкин Г.О.</i> Проблемы гуманитаризации технического образования.....	81
<i>Белянин В.С.</i> «Идеальный тип» макса вебера и его значение в социальном познании.....	83
<i>Богодухова Е.Е.</i> Культурное пространство: философский аспект.....	
<i>Болотнова Е.В.</i> Актуализация онтологии техники как базисного подхода в работе с ней на примере машинно-ориентированной онтологии Леви П. Брайанта	85
<i>Думов А.В.</i> Принципиальные основания философии сложности.....	89
<i>Казарцева А.И.</i> Социокультурный аспект современной космологии.....	91
<i>Козловских С.А.</i> Конфликт интерпретаций конфликта интерпретаций П. Рикера	93
<i>Косолапова Н.И.</i> Информационная революция массмедиа как новая реальность	95
<i>Логиновская Ю.В.</i> Проблема новизны в контексте исследования сознания и творчества.....	97
<i>Минова И.А.</i> Постнеклассическая парадигма научности и ее развитие в XXI веке.....	100
<i>Панова О.Б.</i> Роль философии в становлении постнеклассической парадигмы науки.....	103
<i>Петров П.А.</i> Big data: технологические преимущества и этические проблемы...	106
<i>Петрова А.А.</i> Этическая проблематика использования беспилотного транспорта	108
<i>Романова Е.Д.</i> Так ли гуманен трансгуманизм?.....	111
<i>Севастов К.В.</i> Философские основания конвергентного подхода в образовании как современный ответ на смену культурной парадигмы.....	113
<i>Сенють В.Г.</i> Современный университет как социокультурный институт через призму теории М. Дуглас.....	116
<i>Слюсарева Н.А.</i> Традиционная культура и информационное общество: о важности взаимодействия.....	119
<i>Тунда Е.А.</i> Уроки Алана Тьюринга.....	121
<i>Чернышова О.И.</i> Методологические особенности исследования образа физического «Я» личности в психологии.....	124
<i>Якунина И.В.</i> Парадоксы идентичности и ценности персональных данных в информационном обществе.....	126

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

<i>Айдос А.</i> Мифологическое сознание.....	128
<i>Андрюченко А.С.</i> Отчаяние в экзистенциальной философии Льва Шестова.....	131
<i>Ветус М.А.</i> Принцип полезности И. Бентама и Дж. Милля.....	133
<i>Дмитриев Я.А.</i> Феномен языка Луркоморья.....	135
<i>Дремлюгов Н.Н.</i> Интеллектуальные параллели Ф. де Соссюра и Л. Витгенштейна.....	137
<i>Думов А.В.</i> История рефлексии понятия информации в отечественной философии: исследование П.П. Киршенманна и актуальность его выводов.....	139
<i>Ларина Е.Д.</i> Нарратив как стратегия: философский аспект.....	141
<i>Максимова У.Д.</i> Критика Ф. де Соссюра в русской гуманитарной науке начала XX века.....	144
<i>Меньшикова А.А.</i> Автономия метафизического онтологического направления кантовской традиции в истории философии.....	146
<i>Московец С.А.</i> Проекты преодоления метафизики в философии Юма и Канта....	148
<i>Нанкевич А.А.</i> Категоризация цвета в контексте метафизической парадигмы.....	150

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПАНДЕМИЯ COVID-19: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Т. Б. Алябьева

Научный руководитель: к. ф. н. Д. Л. Ситникова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

В 2020 году мир потрясла пандемия COVID-19, которая повлекла за собой множество неожиданных последствий. Пандемия показала, какие проблемы в настоящее время стоят перед человечеством. В XXI веке цифровые технологии стали неотъемлемым компонентом практически во всех сферах общества – начиная от онлайн обучения и заканчивая разработкой вакцин. Однако известно, что на текущий момент около 35,8% населения Земли не имеют доступа к Сети [6]. Мы проведем философский анализ данной проблемы и обозначим возможные пути ее решения.

Сегодня доступ к информационно-коммуникационным технологиям и базовые навыки поведения в цифровой среде становятся тем минимумом, который необходим для реализации прав человека, например, права на образование. В эпоху пандемии высшие учебные заведения столкнулись с переходом на дистанционное обучение. Однако, как выяснилось, не все студенты обладали равным доступом к технологиям, с помощью которых осуществлялось обучение. Данная ситуация показывает, что общество, несмотря на стремительное распространение технологий, сталкивается с проблемой цифрового неравенства.

Цифровое неравенство – это разрыв между индивидами, географическими районами на социально-экономическом уровне, связанный с доступом к информационным технологиям [1.С.4]. Этот вид социального неравенства появился во второй половине XX века в связи с повсеместным распространением информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), которые постоянно развиваются, поэтому современное неравенство является динамической проблемой, которая имеет социальные, политические, культурные и этические аспекты. Данный вопрос не рассматривается как техническая или экономическая проблема – это вопрос, требующий глубокого философского осмысления.

Проблема цифрового неравенства привлекла интерес исследователей еще в конце XX века, когда в общество начали проникать ИКТ, меняющие привычный уклад жизни. Еще до пандемии были разработаны такие программы по

борьбе с информационным неравенством, например, в России еще в 2003 году был принят Федеральный закон «О связи» [4]. Целями ФЗ №126 являются: создание условий для оказания услуг связи на всей территории страны и содействие внедрению перспективных технологий.

Естественно, что в то время, когда началась пандемия COVID-19, компании, которые обеспечивают выход в Интернет и государства, уже понимали важность равного доступа всех граждан к всемирной сети в этот сложный период. Согласно исследованию UNESCO, большинство из 61 опрошенных стран реализовали те или иные меры для дистанционного обучения [5]. Студенты и ученики получили доступ к «удаленному» образованию, и отмечается востребованность цифрового формата обучения; вероятно, что элементы дистанционного обучения будут использоваться в будущем. Компания «Ростелеком» ввела безлимитное общение для домашних телефонов – бесплатные звонки могут осуществляться как на местные городские номера, так и на мобильные [2]. Для пользователей домашнего Интернета было обещано обеспечить максимальную скорость передачи данных, что позволило бы большему количеству людей обучаться и работать удаленно.

Однако, несмотря на принятые меры, возникли и некоторые проблемы. «По оценкам НИУ ВШЭ, <...>, полноценный доступ к онлайн-обучению перед началом пандемии не имели 22% детей. В сельской местности эта доля достигает трети, а в ряде регионов – 50%» [3]. В свете сложившейся ситуации можно проследить усиление неравенства между семьями, что качественно влияет на уровень образования детей.

Итак, цифровое неравенство – следствие множества причин, связанных в тугой клубок проблемами прежнего переходного и современного периода. Мы видим, что пандемия COVID-19 выявила особенности современного социального неравенства – оно носит не только экономический характер, но и значительно зависит от доступа людей к Интернету. Во время самоизоляции все мы стали критически зависимы от Сети и скорости передачи информации. Большая часть нашей жизни – работа, возможность продолжать образование, удаленное общение с родственниками и друзьями, бесконтактные покупки товаров, снижающие риск заражения COVID-19 и т.д. – была бы невозможна без доступа к Интернету. Поэтому люди, у которых нет этого доступа, оказались в неравном положении. Сегодня мы можем по-новому оценить значимость цифрового неравенства – в информационном обществе с цифровой экономикой оно становится основанием для усиления других типов социального неравенства – экономического и образовательного. Цифровое неравенство является потенциальной базой для нарушения прав человека на труд и образование, его необходимо устранять и предупреждать. Общество уже привыкло помогать малоимущим, сейчас оно должно научиться помогать тем, у кого нет выхода в Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // *Studia Humanitatis* №2. 2017. 23 с.
2. Зароков И. «Ростелеком» ускорил интернет на время карантина [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2020/03/20/reg-szfo/rostelekom-uskoril-internet-na-vremia-karantina.html> (дата обращения 03.04.2021).

3. *Звягинцев Р.* Образовательное неравенство в зеркале пандемии [Электронный ресурс] // URL: https://vogazeta.ru/articles/2021/4/7/Neravenstvo/16880-obrazovatelnoe_neravenstvo_v_zerkale_pandemii?fbclid=IwAR2mpV5Dlh3AO8QthrY1QAAvWCotZTBv7FA3Ij83R_R4mn9y7PyNicNvCGA (дата обращения 09.04.2021).
4. *Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126* [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения 05.04.2021).
5. *10 ИТ-отраслей*, которым пандемия дала мощный импульс к развитию [Электронный ресурс] // URL: <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech-fm/s/2020/11/06/ten-it-pandemic> (дата обращения 06.04.2021).
6. *Internet usage statistics* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения 29.03.2021).

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КОРРЕСПОНДЕНТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ

Е.С. Артюх

Научный руководитель: к.ф.н. Н.В. Николина

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

С развитием науки и философии появляются все новые смыслы, вкладываемые в понятие «истина», и поэтому нельзя с помощью одного конкретного критерия определить является ли наше знание истинным. Процесс познания не стоит на месте и требует утверждения новых подходов к истине и аспектов ее проблематизации. Концепция корреспонденции истины считается ключевой, но не единственной верной. В современной философии совмещаются онтологический, гносеологический, аксиологический, антропо-аксиологический и телеологический подходы к проблематизации истины. Истина является не менее важной категорией и в научном познании [3]. Поэтому, при взаимодействии философии и науки принимается мнение о том, что не существует одного верного подхода к трактовке истины и отказа от остальных как от неверных. Таким образом, возникает кризис классической концепции корреспонденции истины, вследствие этого возникают идеи вовсе отказаться от данной теории и ставят под сомнение необходимость такой категории (которая потеряла свой первоначальный смысл). После понимания, что классическая концепция не удовлетворяет требованиям, возникшим при современных исследованиях, возникает необходимость введения других теорий истины. Каждая из появившихся теорий имеет свои требования для того, чтобы признать суждение истинным.

Я. Хинтиikka отмечает кризис классической концепции истины и пишет, что этот кризис ведет к поиску таких ответов, которые находятся и в области различений уровней философского определения истины (т.е. выделение критериев и носителей истинного знания) и в раскрытии общих методов работы с рациональными суждениями. При концептуализации истины можно столкнуться с проблемами, связанными с двойственностью понимания языка: как универсального метафизического допущения в поиске истины, и как модель технически рационального определения истины. Я. Хинтиikka склоняется к первому варианту, так как истина может быть определена и для «разговорного языка» [4].

В XX веке помимо концепции корреспонденции появляются и другие: когерентная, прагматическая, конвенциональная, семантическая. Корреспондентная теория продолжается в неоплатонизме и неоаристотелизме, неотомизме и реализме. Когерентная теория получила продолжение в логическом позитивизме Р. Карнапа. Здесь же, в XX веке, появляется еще одна теория истины – теория консенсуса, смысл которой заключался в том, что экспертам, осведомленным и компетентным, нужно найти решение, устраивающее всех, т.е. прийти к консенсусу [2]. Данная теория имеет место и в прагматизме и подчеркивает, что понятие истины имеет место и в повседневной коммуникации людей и в научной среде. В качестве же критики данного подхода выдвигается тезис о том, что для данной теории вопрос об истине становится второстепенным, уступая место вопросу о достоверности.

Неклассические теории истины имеют философский статус и стремятся заменить собой корреспондентскую теорию истины (которая несмотря ни на что до сих пор считается главной). Для того, чтобы найти альтернативные методы рационального исследования кризиса классической концепции истины следует различать сами теории истины и их философские основания. Данный вопрос становится весьма затруднительным для исследователей и примером тому может послужить Х. Патнэм и его «прагматический реализм», отвергающий корреспондентную теорию истины. Истиной теперь считается то, что является рационально приемлемым при «идеальных эпистемических условиях». С помощью теории когеренции он обосновывает так называемый «внутренний реализм», представляющий собой систему, совмещающую в себе позиции реализма и идеализма. Х. Патнэм считает понятия истины и рациональности нетождественными, так как рациональность является исторически зависимой от конкретных культурных условий [1]. Чтобы «защитить» теорию корреспонденции истины ранее Патнэм критиковал позиции антиреализма Т. Куна и П. Фейерабенда, теперь же Патнэм опирается на новую трактовку понятия истины (как «правильной, верифицированной в достаточной мере, чтобы гарантировать принятие истины, конвенции, зависимой в целом от контекста и способов употребления понятий языка») [1]. Таким образом, с помощью «реалистической» когеренции мы можем трактовать истину как соответствие идеи и явления, языка и реальности. Появление «человеческого фактора» в качестве одной из причин в анализе истинных высказываний, ставит такие высказывания в зависимость от контекста. И такой антропологический контекст усложняет решение проблем, направленных на теорию корреспонденции. Вследствие этого, многие не признают классическую концепцию, так как она обосновывает «метафизический реализм и трансцендентализм».

Истина допускает априорную возможность рассуждения о сущности самой истины. Из чего следует, что такое свойство истины как трансцендентальность не имеет отношения к корреспондентной истине. Поэтому, следует так же отметить, что такой вывод предполагает появление возможности обращения к неограниченной области значимости бытия, а не только объяснение того, что действительно и подразумевается как истина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Патнэм Х.* Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Праксис, 2002. 296 с.
2. *Тетюев Л.И.* Как возможно современное понимание истины: трансцендентальные основания и статус // Мир человека: нормативное измерение-2: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во ГОУВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 61–65.
3. *Ухов А.Е.* Проблематизация истины в классической и неклассической эпистемологии: системность и вопрос о соотношении знания и действительности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01/ Артем Евгеньевич Ухов. Иваново, 2014. 167с.
4. *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Архипов, Г.О. Сединкин

Научный руководитель: к.ф.н. С.В. Ковыршина

Сибирский государственный индустриальный университет

Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время самыми востребованными являются специалисты технического профиля. Становление постиндустриального общества неразрывно связано с освоением необходимых компетенций еще этапе получения среднего, а потом и высшего образования. Одним из наиболее важных способов совершенствования технического образования считается преподавание гуманитарных дисциплин. Очень часто педагоги сталкиваются с тем, что обучающиеся далеки от понимания роли и значения образования в своей жизни. Принято считать, что именно гуманитаризация образования решит данную проблему. Цель данной статьи в обосновании ключевой роли гуманитаризации технического образования.

Представляется, что гуманитарное образование призвано не только обеспечивать передачу научных знаний и представлений новым поколениям, но и формировать их ценностные ориентиры в нравственном измерении [6]. Гуманитарное знание является важной составляющей фундаментального образования, позволяет сформировать специалиста с широким мировоззрением. Статус современного инженера и само понятие «инженер» сегодня подвержено критике и новому обоснованию. Современный инженер – это не только наличие высшего образования, но и наличие навыков к изобретательству. При необходимости он участвует в проведении научных исследований, что, несомненно, является плюсом.

Инженерные профессии – самые массовые профессии, несмотря на то, что престиж такой профессии падает. На рынке труда растет спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Вместе с тем появляются возможности для создания новых траекторий обучения, реализации общекультурных компетенций на этапе бакалавриата. Но обучающимся в технических вузах, ориентированных на получение математических и технических знаний освоение дисциплин гуманитарного цикла дается не легко. Данную ситуацию можно объяснить, как объективными причинами, так и субъективными. Но проблема существует, предлагаются различные варианты ее решения [3]. На важность решения данной проблемы, о возможности гуманитаризации обращают внимание многие авторы.

Согласно Гергилеву С.Н., «обсуждение проблем гуманитаризации и гуманитаризации высшего инженерного образования является важной частью современного научного диалога. Инженеры, воспитанные в заданной парадигме, будут способны создавать артефакты, которые позволят российскому обществу конструировать наиболее комфортную среду для жизнедеятельности» [2].

Аналогичная позиция и у Богатовой Л.М. по вопросу реализации дисциплин гуманитарного цикла: «первостепенная и насущная потребность, без удовлетворения которой не представляется возможным вести речь о высшей школе как о дееспособном социальном институте, включенным в процесс формирования личности в соответствии с общественными запросами и интересами...» [1]. По ее мнению, невозможно сформировать личность без социально – гуманитарных знаний.

По мнению Раджабова О.Р. «особая роль в учебном процессе отводится гуманитарному образованию в высшей школе. Потребность в широком гуманитарном образовании возникает как ответная реакция на самоограничения в развитии современной техногенной рациональной цивилизации» [5]. Мансуров В.А. утверждает, что именно идея о целостности образования лежит в основе концепции гуманитаризации технического образования. Такой подход подразумевает гармоничное сочетание в личности инженера глубоких научно-технических знаний с обладанием основательной гуманитарной культурой... Не так давно в инженерной профессии <...> произошел разрыв деятельности инженера и менеджера, которые ранее гармонично сочетались, расширяя спектр ролей инженера в общественной жизни. Многими авторами это признается как серьезная проблема, негативно влияющая на качество инженерных практик, особенно если рассматривать это с точки зрения современных процессов, происходящих в сфере научно-технических и информационных технологий [4]. Таким образом, мы видим, что проблемами гуманитаризации технического образования являются и вопросы о статусе высшего образования, разделения на инженеров и менеджеров, проблема диалога технического и гуманитарного образования и т.д.

Реализовывают необходимые компетенции гуманитарной составляющей в вузе такие дисциплины как философия, социология, культурология, право. В ходе освоения дисциплины «Философия» у обучающихся формируется важная составляющая – мировоззренческая позиция [3].

Подводя итоги, необходимо отметить, что гуманитаризация включает в себя совокупность взаимосвязанных компонентов, включающих гуманитарные и социально-экономические знания, способности и потребность к общению, к самопознанию, проявляющихся в активной творческой, учебной и общественной деятельности, определяющее эффективность и успешность профессионально-личностного становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатова Л.М.* Синергия гуманитарных дисциплин в инженерном образовании // Казанский педагогический журнал. 2019. №5. С. 48–50.
2. *Гергулев С.Н., Колмаков В.И., Савин О.И.* Гуманизация и гуманитаризация инженерного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. №4. С. 35–38.
3. *Готьятлова Т.Л., Ковыршина С.В.* Компетентностный подход в преподавании философии в техническом вузе // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе. 2011. № 12. С.151–159.
4. *Мансуров В.А., Семенова А.В., Стрельцова И.А.* Модернизация инженерного образования в России: проблемы и решения // Теория и практика общественного развития. 2019. №11.
5. *Раджабов О.Р., Лобачева З.Н., Маммаева М.А.* Роль гуманитарного знания в системе оптимизации управления в сфере высшего технического образования // Социально-гуманитарные знания. 2020. №3. С. 163–171.
6. *Рахимова А.Р., Нафикова А.Р.* Влияние гуманитарного знания на человека // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах Современное общество: наука, техника, образование. Нефтекамск, 2016. С. 150–153.

«ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП» МАКСА ВЕБЕРА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

В. С. Белянин

Научный руководитель: д.ф.н М. П. Завьялова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Для социально-гуманитарных наук всегда оставалась актуальной проблема рассмотрения методологических средств, которые бы позволили упорядочить знание о социальной действительности наиболее адекватным образом, с учетом специфических свойств данной области. В традиции культурного-исторического исследования можно наблюдать два полярных подхода к этой проблеме – натуралистический, заимствующий принципы естественнонаучного знания, и иррационалистический (антинатурализм), абсолютизовавший субъективность. Немецкий социолог Макс Вебер придерживался срединной позиции, отрицая крайние степени каждого из данных подходов. Вебер настаивал на единых критериях научного знания, таких как общезначимость и объективность, для любой научной области, но при этом относительно выбора метода, требовал учитывать специфику области исследования. Средство идеального типа для социальных наук Вебер разрабатывает именно как способ работать с индивидуальным, но в то же время выходить на общее.

Отрицая натурализм, Вебер исходит из того, что социальные объекты обладают внутренним значением и наделены смыслами, исходящими из самой природы субъекта как обладающего сознанием. Так, социальная реальность и ее объекты признаются многообразными и постоянно изменчивыми. Отсюда же возникает проблема познаваемости таких структурно-сложных объектов. Практически любое такое явление Вебер признает как состоящее из бесконечного числа причин и связей (включая те, которые противоречат друг другу), определяющих его, что приводит к невозможности абсолютного познания этого явления в его наглядности и ясности, за что и подвергает сомнению подход крайнего иррационализма. Поэтому требуется обратиться только к определенным сторонам явления, которые обладают для нас значением. Такой процесс вычленения особо значимого в предмете сходен с идеализацией, при которой мы абстрагируем объект от всего эмпирически-конкретного нагромождения, затрудняющего целостное понимание, и выводим на уровень сущности или идеи. Именно основа данной установки, подвергнутая модернизации и усложнению, будет составлять смысл формирования «идеального типа».

Идеальный тип по Веберу является прежде всего теоретической конструкцией, не соотносящейся напрямую с эмпирической реальностью, но выступающей мысленной моделью, которая помогает редуцировать случайное, логически отклоняющееся, противоречивое – то есть тот разнородный набор свойств, который составляет сложность реальных индивидуальных образований. Идеальный тип, таким образом, взятый сам по себе, «это утопия» [1]. Он конструируется как набор идеально-логических характеристик, выступающих как единство и лишенных внутренних противоречий. Так, Вебер приводит в качестве идеального образа «ремесло», которое образовалось путем соединения ряда черт, присущих ремесленникам, диффузно встречающихся в различных эпохах и народах, бу-

дучи доведенными до логического предела в единство и избавленными от противоречий.

На основании идеальной чистой природы какого-либо явления, представленного в «логическом совершенстве», которое положено в основу идеального типа, мы способны более наглядно увидеть существенные черты реальных образований при помощи сравнения, обнаруживая те характеристики, которые соответствуют идеальной модели, либо же отклоняются от нее. Тем самым, не только проясняется сущность объекта, но и своеобразие составляющих его связей. Так, немецкий социолог Ганс Фрайер утверждает следующее: «понятие идеального типа смягчает противоположность индивидуализирующего и генерализирующего способов мышления, поскольку оно, с одной стороны, выделяет в индивидуальном характерное, а с другой – на пути генерализации доходит только до типического, но не всеобщности закона» [1.С.12]. Если мы посмотрим на многообразие культурно-исторических форм, то их общие, единые признаки будут выражаться как раз через сходство с идеальным типом, их же индивидуальные черты будут фиксироваться посредством отклонения от идеального типа. Так, это средство двунаправленное – направленное на выявление частного и общего.

Вебер исходит из невозможности создать систему, в силу процесса постоянного развития и изменчивости, которая бы «отражала действительность в ее окончательном членении» [1.С.383]. В этом отношении идеальный тип продуктивен своей абстракцией, так как предполагает открытость структурам переменчивых конкретных явлений. Также Вебер подчеркивает, что это именно средство, а не цель. Задача этого средства заключается в прояснении связей, формирующих сущность объекта, путем сопоставления его с образцом, сконструированным смыслами, представляющими устойчивую логическую ценность, упорядочивая тем самым эмпирический материал в соответствии с некой логикой. Тем самым исследование обрастает границами и ориентацией, что помогает преодолеть хаос эмпирических фактов.

Таким образом, Макс Вебер предлагает средство познания, которое исходит из самой специфики объектов социальной действительности, и задает возможность их научного исследования с той степенью объективности, которая адекватно возможна в рамках данной сферы. Это достигается благодаря структуре идеального типа, которая определяет логические границы значимости объекта в его идеальном единстве свойств и смысловой направленности, что затем способствует упорядочиванию эмпирического материала, при сопоставлении, тем самым выделяя в объекте не только его общую идейную сущность, но и индивидуальное своеобразие. Благодаря этому средству, Вебер преодолевает противоположность «индивидуализирующего» и «генерализирующего» методов, показав возможность их органического синтеза, что позволяет говорить о прогрессе в утверждении научного статуса социально-гуманитарной области и общезначимости результатов ее деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. 390 с.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ*

Е.Е. Богодухова

Научный руководитель: д.ф.н. М.Н. Фомина
Забайкальский государственный университет

**Работа выполнена в рамках гранта № 323-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ.*

Концепт «культурное пространство» достаточно прочно входит в современную социо-гуманитарную отрасль научного знания, трактуясь как форма взаимодействия человека, культуры и общества. Пространственное восприятие культуры формируют «пространства культуры» или «культурное пространство». Если временную характеристику культуры можно рассматривать через исторические события, через соотношения древних и современных культур, то пространства культуры характеризуют взаимодействие и сотрудничество, культурную преемственность. Выступая создателем локального культурного пространства человек (как субъект) выражает свое мировоззрение и восприятие мира. А как часть существующего (как объект) культурного пространства он испытывает на себе его влияние посредством элементов культуры – языка, традиций, моральных и социальных ценностей. Здесь можно говорить о взаимодействии и взаимовлиянии культуры и общества. Различные факторы формируют культурное пространство: географические, исторические, социальные, культурные, экономические и т.д. Оно может совпадать с государственными границами территории, а может выходить за ее пределы, осуществляя тем самым взаимодействие между различными культурами.

По мнению М.Я. Сарафа, культурное пространство выражает единство формы бытия общества и человека. Оно формируется между социальными группами, природой и обществом, общественным сознанием и самосознанием. Главной функцией культурного пространства выступает «организация, прогнозирование и регулирование смыслов, производимых в пространствах культуры». Оно является продуктом общения людей различных культур, формой их взаимодействия. Одна культура при этом открывает и адаптирует новые свойства другой, имея при этом общие, универсальные свойства. Как утверждает М.Я. Сараф, культура определяет формы существования человека в этом пространстве, дает возможность его познания [2. С.816].

Рассматривая культурное пространство как продукт деятельности человека, можно предположить, что именно он определяет границы пространства, а оно, в свою очередь, является отражением прогресса и развития общества. М.Я. Сараф определяет культурное пространство как системную целостность, которая формируется в определенное историческое время. Основу культурного пространства составляют компоненты, которые перекрывают друг друга и взаимодополняют. К ним М.Я. Сараф относит интеллектуальное пространство, пространство социума и информационно-знаковое пространство. Внутри этих компонентов также находятся дополнительные составляющие, например, нравственное, правовое, художественное пространство и т.д. [2. С.815].

Подобное предположение выдвинул А.С. Кармин, говоря о том, что культурное пространство является совокупностью, вмещающей различные феномены культуры и цивилизаций, которые находятся в постоянном взаимодействии. Он отмечает, что культурное пространство характеризует материальную

и духовную реальность, которая выражается через культуру. Человек выступает творцом культуры, а значит, и творцом пространства, преобразовывая его своей деятельностью. Результатом этого является рукотворный мир – мир культуры. Поэтому пространство постоянно вовлечено в жизнь социума, и каждый человек вносит свой вклад в его формирование и трансформирование [1].

Уникальность культур определяет и природу культурного пространства, которое, по мнению А.А. Шишкиной, представляет некую форму бытия, характеризующуюся универсальными ценностями, психоэнергетическим феноменом мышления. Поэтому неслучайно, что оно формируется в процессе диалога культур с течением длительного исторического времени [3.С.220]. Культурное пространство является достаточно многозначным понятием, которое включает в себя природные, социальные, экономические, исторические, культурные компоненты. Это не только мыслимый продукт, но и деятельностный, так как формирует законы и принципы человеческой деятельности. Оно может совпадать с реальными государственными границами, а может возникнуть на приграничных территориях, включая в себя культуру стран – соседей. Возникающие нормы способствуют симбиозу пространственных культур древности с современностью, создавая тем самым неповторимый колорит культуры. Каждый исторический период характеризуется определенными идеалами и нормами, поэтому в культурном пространстве можно найти влияние каждой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кармин А.С.* Основы культурологии: морфология культуры [Электронный ресурс] // URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/698597> (дата обращения: 07.04.2021).
2. *Сараф М.Я.* Культурное пространство и пространство культуры: цивилизационная гетерохронность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. С. 815–817.
3. *Шишкина А.А.* Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 219–223.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОНТОЛОГИИ ТЕХНИКИ КАК БАЗИСНОГО ПОДХОДА В РАБОТЕ С НЕЙ НА ПРИМЕРЕ МАШИННО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ ЛЕВИ Р. БРАЙАНТА

Е.В. Болотнова

Научный руководитель: д.ф.н. Л.В. Шиповалова
Санкт-Петербургский государственный университет

Обратившись к современным исследованиям техники, мы можем заметить их практическую ориентацию, стремление ученых и философов понять, каким образом техника функционирует в связи с человеком. Именно это является тенденцией на данный момент – стоит вспомнить различные подходы социологии техники, исследований наук и технологий (STS) и пр. – стремление понять технический объект как актор, находящийся в связи с человеком и обществом. Но так ли эффективен или, более точно, является ли в достаточной мере соответствующим подобный подход?

Используя современные философские исследования, в большей степени ориентирующиеся на онтологическую проблематику, мы сталкиваемся альтернативной ветвью работы с техникой. Практико-ориентированная методология, даже та, что учитывает множественность техники, все равно недостаточна, ведь даже в практике максимально эффективное использование сложно достижимо без понимания функционала техники. Мы не понимаем, что есть техника, работающая лишь с ее операторностью, осуществляемой посредством делегирования. Мы нуждаемся в онтологии техники или же онтологии, выделяющей роль техники.

Фактически мы можем обратиться практически к любой концепции в рамках спекулятивного реализма, базирующейся на идее плоской онтологии, когда технический объект понимается самодостаточным. Но наиболее уместным будет рассмотрение машинно-ориентированной онтологии Леви Р. Брайанта.

Проблема материализма для него является центральной, ведь современные философы не работают с материей, материальные агенты и их качества не важны, техника же является лишь отражением социокультурного контекста; так что мы нуждаемся в обновлении материализма.

Обновленный материализм Леви Р. Брайанта работает с вещами, имеющими собственную материальность и именующимися машинами. Определяя вещи как машины, он старается «подчеркнуть ту их особенность, согласно которой они динамически оперируют входящими потоками, производя выходящие» [1] Брайант фактически заменяет термином «машина» понимание объекта – и здесь объект мыслится в рамках объектно-ориентированной онтологии, например, Грэму Харману, для которого объекты есть все вещи, определяющиеся лишь своей автономной реальностью, единые и обладающие множеством качеств, «будь они акцидентальными или эйдетическими» [3. С.37]

Смена «объекта» на «машину» расширяет область того, с чем мы работаем, помогая отойти от субъектно-объектной парадигмы. Машина есть элементарная единица бытия по причине типичности ее характеристик для всего существующего, ведь все действует, осуществляет операции, имеет такие характеристики как структурная открытость – открытость ко множеству потоков, - и операциональная закрытость – наличие специфических внутренних операций, коди-

рующих внешние потоки. При этом машины требуют материального воплощения, но по своей сущности могут быть нематериальными: подобной машиной является долг, который, являясь бестелесной машиной, некоторой идеей, материально воплощается при организации жизни тысяч людей. Машины оперируют самостоятельно. Обладающие технической интенциональностью, они включены в производство более как одна из сторон переговоров. На создание вещи влияют и внешние факторы, и это особенно важно, если мы обращаем внимание именно на сделанные машины: они создаются не просто по чертежам дизайнера и исходя из внутренних интенций, но и в соответствии с внешними обстоятельствами, так, «шариковая ручка подразумевает конкретные способы того, как ее держат» [4. С.20]

Важно понимать, что даже сделанность машины не определяет ее единственный функционал. Они плюрипотентны, то есть имеют множественность потенций, что могут быть актуализированы различными способами. Тогда машина описывается с двух позиций: «virtual proper being», потенциально возможные операции, и «local manifestation» [4. С.40], реализуемые операции или же непосредственно продукт деятельности. Машины «не имеют конкретного функционала, но помещаются в использование» [4. С.24], а также способны к экзаптации, выполнению ранее несвойственного функционала, самостоятельно или же входя в сборки.

Предлагаемый метод работы с машинами на разных уровнях Леви Р Брайант называет онто-картографией, и это есть следствие экологического видения, позволяющего воспринимать все не-человеческие объекты, в особенности технические, как медиумы, отображая все богатство реляций между нечеловеческими машинами. Онто-картография позволяет обнаруживать ранее не исследованные пути реляций: «В своей первоначальной формулировке онто-картография представляет собой исследование конструктивных связей между машинами и того, как изменчивы процессы становления, деятельности, движения и пути, с помощью которых сопряженные машины соотносятся с окружающим миром» [4. С.35].

Таким образом, методы, подобные онто-картографии, имеющие укорененность в понимании технического объекта как самодостаточного, требующего изучения с позиций его онтологического статуса, могут стать подходящими для работы с техникой в ее современном состоянии. Все равно, как утверждал Жильбер Симондон, существуют технические объекты, которые для нас не предстают как технические, соответственно, есть необходимость работать с онтологией техники, стараясь понять то, чем является машина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брайант Л.Р.* За (воз)обновление материализма [Электронный ресурс] // URL: <https://syg.ma/@nikita-sazonov/lievi-r-braiant-za-voz-obnovlениe-materializma> (дата обращения 01.04.2021)
2. *Брайант Л. Р.* На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос, 2014. №4. С. 275–292.
3. *Харман Г.* Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
4. *Bryant L. R.* Onto-cartography. An ontology of machines and media. Edinburgh University Press, 2014. 300 p.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ СЛОЖНОСТИ

А.В. Думов

Научный руководитель: д.ф.н. В.И. Кудашов

Сибирский федеральный университет

Использование и переосмысление понятия сложности в контексте философских исследований в области проблем познания и организации человеческой деятельности привело к формированию такого тематического направления, как философия сложности. При наиболее широком рассмотрении философию сложности нельзя полагать в качестве самостоятельного направления философской мысли, обладающего предметной и методологической автономией: такой подход может быть отчасти оправдан только при ограничении понятия философии сложности областью исследований философов из Стелленбосского университета (П. Сильерс, М. Верманн и др.) или учеников и последователей французского философа Э. Морена, поскольку в данных категориях исследований прослеживаются процессы теоретико-методологического и языкового обособления. Данное рассмотрение посвящено анализу самого явления философской концептуализации сложности, которое, несмотря на достаточно продолжительное существование (примеры чего обнаруживаются в том числе и в отечественной философской литературе, например, в работах представителей т.н. синергетики), не рефлексивируется с философской точки зрения: практически не анализируются его историко-философские истоки, не рассматривается соотношение конкретнаучных и философских способов понимания сложности (хотя они и разграничиваются), наконец, не осуществляется экспликация философского содержания самого понятия «сложность».

В обращении с понятием сложности реализуется представление об очевидности его содержания. Достаточно яркое подтверждение этому обнаруживается в недавно изданной работе Л. Б. Жукова и В.И. Аршинова «Очерк теории ориентации»: относительно наименования «философия сложности» авторы отмечают, что оно «говорит само за себя, отсылая к широко распространенному в современном философском дискурсе представлению о сложности, тесно коммуницирующем с представлением о постмодерне» [2. С.5]. Единственное, в чем можно согласиться с авторами — это то, что представление о сложности в действительности достаточно широко представлено в современных философских исследованиях, притом нередко оно интерпретируется с применением средств, выработанных различными направлениями философии постмодерна, например, постструктурализмом [4]. Но широкая распространенность представлений о сложности отнюдь не тождественна очевидности их содержания. Неочевидность содержания самого исходного понятия, т. е. сложности, проявляется в высказываниях самих авторов. Так, в работе представлено утверждение о том, что уместнее использовать термин «сложностность», поскольку он предполагает осмысление в составе сложности не только дискретности, но и континуальности [2. С.5]. Вероятнее всего, немногие смогут с уверенностью сказать, о чем в данном случае идет речь, и это не удивительно, ведь авторы не только не апеллируют к некоей сложившейся практике понимания сложности, но даже не вводят терминологической конвенции. Эта особенность является характерной для многих философских исследований сложности.

Сложившаяся ситуация, однако, не препятствует экспликации философского содержания понятия сложности исходя из его употребления. Если то, что называется сложностью, в действительности принадлежит предметной области философских наук, то содержание понятия сложности может быть легко эксплицировано в связи с непреходящими вопросами философского поиска, т.е. в основе идеи сложности лежат определенные вопросы онтологии и эпистемологии. Онтологический смысл понятия сложности заключается в представлении форм соотношения единства и множественности. Его выражением является и попытка генетического определения сложности, осуществленная Э.Мореном [3. С.191]. Первоначально идея сложности «созвучна» осуществленной Н. Гартманом критике монизма как онтологически неустойчивой формы осмысления бытия [1. С.178]. Однако, фундаментальные онтологические вопросы затрагиваются философией сложности в гораздо меньшей степени, нежели проблемы постижения сущего в его конкретных формах.

В теоретико-познавательном и методологическом смысле происходит демаркация научного и философского способов понимания сложности (например, как «жесткого», «вычислительного» понимания сложности и «мягкого», «критического», что осуществлено М. Верманн [4. С.2]), что уже не позволяет рассматривать философии сложности как опыты построения философии наук о сложном (complexity science). Эпистемологическая функция философского понятия сложности состоит в рецепции идеи, которая достаточно емко выражается замечанием Н. Гартмана о том, что феномен познания не оправдывает претензии на реальность и не порождает уверенности в ней [1. С.395]. Обсуждение имманентной сложности самого познающего, концепций вовлеченности и вдействованности познания представляет собой лишь указание на необходимость переориентации к постижению того, что Гартман называет первичными отношениями к вещам и событиям, а вместе с этим – утверждение первенства опыта и переживания по отношению к познанию [1. С.396]. Несмотря на то, что философия сложности позиционирует себя как критическое переосмысление научного познания (объект ее критики – формальные средства науки и ее теоретический базис [3. С.33–51]), она представляет собой скорее переосмысление эпистемического опыта современности. Развитие идеи сложности происходит не в контексте собственно эпистемологии и методологии науки, а в области того, что можно было бы назвать эпистемической эстетикой, а также аксиологии практик познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
2. *Жуков Л. Б., Аришинов В.И.* Очерк теории ориентации. Нечто vs ничто: конструктивная схема в контексте философии сложности. М.: ЛЕНАНД, 2021. 120 с.
3. *Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2013. 464 с.
4. *Woertmann M.* Bridging Complexity and Post-Structuralism. Insights and Implications. Springer International Publishing, 2016. 216 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ КОСМОЛОГИИ

А.И. Казарцева

Научный руководитель: к.ф.н. Т.В. Фаненштиль

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Наука как институт общества развивалась в социокультурном контексте и является неотъемлемой частью общественного мира. «Научная деятельность несет на себе отпечаток универсалий культуры. Они обеспечивают включение достижений науки в социокультурный процесс» [5]. Научное знание создается и воспринимается людьми, включенными в некоторый социокультурный контекст, который его формирует как элемент социокультурной реальности. При этом, наука отражает те представления об идеале научности, которые доминируют в конкретном обществе в определенный промежуток времени. Наблюдается «воплощение исторически обусловленного понимания идеала научного знания» [1]. Между уровнем развития науки и уровнем динамики культурного прогресса сегодня существует устойчивая связь. Современный процесс производства научного знания и развитие технической составляющей научного исследования необратимо влияют на уровень культурного развития общества в целом.

Государства активно поддерживают научные исследования, в которых им видится потенциал развития сфер жизни общества. Общество и государство выступают сегодня в роли эксперта науки, производят оценку научных исследований, активно участвуют тем самым в формировании новой научной этики. Это определяет направления научных исследований, не только в прикладных, но и в фундаментальных науках, далеких от современных практик человеческой жизни. Предельно далекой наукой является космология, предметом изучения которой выступает Вселенная. Как наука современная космология формируется на стыке физики, астрономии и математики и является ярким примером междисциплинарности. Но как любая наука она также формируется под влиянием определенных социокультурных реалий. Взаимосвязь социокультурной реальности и современной космологии выстраивается не относительно непосредственного практического эффекта от произведенного научного знания, но в широком мировоззренческом поле формирования и изменения картины мира.

Специфика современного космологического исследования такова, что принципы космологии как науки можно назвать продуктом науки постнеклассического периода. Таким образом, можно наблюдать трансформацию статуса человека в формировании картины мира. Он становится не просто активным участником, но вливается как необходимый системообразующий элемент.

Становится возможным синтез эволюционного пути человека и Вселенной. Фундаментальное предположение, что Вселенная когда-то появилась и изменяется во времени и пространстве. Открытия XX века подтвердили развитие Вселенной от начального состояния до современного состояния. Историзм, который накладывался обычно на развитие человеческой цивилизации, теперь является свойством Вселенной. На этой основе вырастают теории подобные теории универсальной истории. Эволюция человечества как часть эволюционного пути Вселенной в целом. Если мы находимся внутри Вселенной, то изменяемся в соответствии с ее изменениями. В свою очередь человеческое общество раз-

вивается согласно принципам самоорганизующихся систем. Так, гипотеза техно – гуманитарного баланса «на протяжении всей истории человечества соблюдалась закономерная зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурно-психологической регуляции и внутренней устойчивостью общества» [4].

Таким образом, через синергетические модели были обоснованы «механизм антропогенных кризисов и их роль в становлении и качественном развитии культуры» [4].

Космологические идеи оказывают колоссальное влияние на культурную и социальную атмосферу. С науками, изучающими Вселенную во всех аспектах, связаны самые смелые представления о будущем. Сегодня люди стремятся скооперировать свои способности и совместными усилиями достичь поставленных целей. Вспомним МКС как пример совместной работы ученых – носителей множества культурных ценностей. Сегодня МКС это комплекс, в деятельности которого принимают участие 15 стран. Тема освоения космического пространства можно назвать самым амбициозным проектом всего человечества. Ученые не оставляют надежду, связаться с внеземными формами жизни. В 1977 году национальное аэрокосмическое агентство США (NASA) запустило проект «Вояджер–1», путешествие которого продолжается уже 44 года по просторам нашей Галактики. Помимо основного технического оснащения на борту зонда ученые поместили пластинку с записью приветствий на 55 языках мира, а большая часть пластинки посвящена музыкальному выражению многих культур планеты. И это не абстрактные размышления об инопланетных расах. Это размышления о том, что человечество может себя выразить только через культурную составляющую жизни.

Формирование и развитие космологии как междисциплинарной науки происходит в контексте неоднозначного отношения к ней как со стороны ученого сообщества, так и со стороны общественности. Однако, современная космология уже заняла свое место в системе наук о космосе. Для людей не причастных к науке, но интересующихся, ведется активная популяризация лучшими учеными космологами перспектив космологических теорий.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. М.: Наука. 1980. 569 с.
- 2 *Максименко Л.А.* Космологическое знание: эволюция форм и содержания: автореф. дис. ...канд.филос.наук: 09.00.01 / Людмила Александровна Максименко. Омск. 2005. 20 с.
- 3 *Микешина Л.А.* Философия науки. М.: Прогресс. 2005. 477 с.
- 4 *Назаретян А.П.* Универсальная (большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. 2008. С. 5–24.
- 5 *Степин В.С.* Теоретическое знание. М. 1999. 393 с.
- 6 *Степин В.С.* Культура. Новая философская энциклопедия. М. 2001. 341 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КОНФЛИКТА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ П. РИКЕРА

С. А. Козловских

Научный руководитель: к.ф.н. Т. В. Фаненштиль

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

В одном из своих ключевых трудов – «Конflikте интерпретации» – П. Рикер определяет пути создания философской антропологии XX века, в которой должны учитываться все значительные концепции человека столетия. Французский философ стоит на позиции герменевтической феноменологии, существо которой определяет регрессивно-прогрессивный метод анализа. В соответствии с этим методом любое явление человеческой культуры должно исследоваться в контексте изучения движения сознания, открывающего человеку его будущее [1.С.7].

Бытие человека изначально рассматривается как понимающее бытие, а способ человека быть рассматривается как интерпретация. С целью постижения мира человек подвергает интерпретации буквально все: опыт взаимодействия с миром, явления и события, нормы поведения, законы, других людей, самого себя. Интерпретация повсеместна и также выступает в качестве метода познания: в философии – при чтении, переводе сочинений и трудов; в гуманитарных науках – при работе с историческими источниками, литературными произведениями, общественным мнением, при определении мотивов поступков индивида; в информатике интерпретация представляет собой программу-интерпретатор, которая исполняет инструкции, изложенные с помощью языков программирования, в машинный язык. Интерпретация масштабируется из приема работы с текстом на весь мир, превращая сам мир в глобальный гипертекст.

Однако следует рассматривать бытие человека не только как понимающее бытие, но и как конфликтное бытие, в котором человек ищет не только сообщество со схожим толкованием мира, а в интерпретации – основание для объединения, солидарности, но и подтверждение своей уникальности, своего собственного авторского понимания мира. Конфликт интерпретаций возникает естественно. По словам И. С. Вдовиной П. Рикер рассматривает конфликт интерпретаций как задачу интерпретации, которая извлекает из текста (= мира как текста) максимум «заложенного в него смысла или же наоборот сводит множества возможных вариантов к нему общему, единому смыслу» [1. С.18.]. Задаваясь вопросом, каким образом добывается в конфликте интерпретаций максимум смысла, мы сталкиваемся с конфликтом понимания того, как это происходит. В решении этого вопроса сталкиваются следующие позиции. Первая позиция рассматривает возможность максимального смыслоизвлечения в консенсусе, в снятии конфликта интерпретаций, например, в процессе диалога. Вторая позиция, и ее придерживается П. Рикер, заключается в поддержании конфликта интерпретаций.

П. Рикер исходит из понимания текста не только как некоторой последовательности фраз, но и определенной структурированной целостности, в которой реализуются различные виды многозначности (полисемии). Основной задачей для всех методов работы с текстом становится извлечение этих смыслов и

последующее конструирование целостного смыслообраза. И только интерпретации, считает П. Рикер, виртуозно удастся выстроить взаимодействие различных, порой взаимоисключающих методов и приемов работы с текстом для обеспечения целостности конечного результата. Так, П. Рикер отказывается от противопоставления объяснения и понимания. Философ пытается показать нам, что понимание предваряет объяснение и сопутствует ему в коммуникативном процессе, а также завершает его, тем самым приближая текст к тому, кто его воспринимает [2.С.415]. Объяснение является необходимым моментом абстрактно возможного на пути от события к системе, а вот понимание, напротив, – актуализацией возможного на пути от системы к событию. Однако выходит, что и понимание без объяснения тоже невозможно, так как именно объяснение позволяет развертывать, артикулировать те или иные стадии понимания. В обоих этих случаях интерпретация будет выступать как способ многомерного объяснения и понимания в процессе их взаимодействия.

Одним из ярких и известных конфликтов интерпретаций является конфронтация З. Фрейда и К.Г. Юнга относительно сновидений. З. Фрейд толкует сновидения как замещающие бессознательное, он различает бессознательно скрытое сновидение, которое проявляется в сознании в виде явного сновидения [3]. Содержание бессознательного – это вытесненные сознанием конкретного человека желания. К.Г. Юнг, напротив, интерпретирует сновидения как проявление коллективного бессознательного, которое стоит за каждой личностью, несет в себе образы чуждого ему опыта всех предшествующих поколений: «Можно всю жизнь думать, что следуешь собственным желаниям, так никогда и не осознав, что в большинстве своем люди лишь статисты в этом мире, на этой сцене» [4].

Согласно П. Рикеру, «конфликт интерпретаций» совершенно не свидетельствует о бессилии понимания, напротив, его можно считать «достоинством понимания, образующего суть интерпретации» [2. С.481]. Конфликтность интерпретативных практик обусловлена не только функционированием языков и текстов, но и их столкновениями с реальной неоднозначностью бытия. В связи с чем позиция, рассматривающая конфликт интерпретаций как ситуацию, требующую разрешения, консенсуса, взаимного согласия, выглядит более чем здоровой. С точки зрения психологии человеческих взаимоотношений именно в этом заключается продуктивность конфликта, в его снятии. Однако П. Рикер рассматривает конфликт интерпретаций как способ развития понимания человеком мира и самого себя, в конфликте интерпретации он обнаруживает гарантию развития человека и мира. Так конфликт интерпретаций выступает фундаментом нового будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вдовина И.С.* От переводчика // Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002. С. 5–30.
2. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: Медиум, 1995. 622 с.
3. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб.: Азбука СПб, 2015. 512 с.
4. *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Пер. В. Поликарпов, Мн.: ООО «Харвест», 2003. 496 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: МАССМЕДИА КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Н.И. Косолапова

Научный руководитель: д.ф.н. В. В. Чешев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Целью данного доклада является рассмотрение проблемы влияния такого феномена информационной революции как массмедиа на общество XXI века. Проблемы, связанные с феноменом информационной революции, в настоящее время не теряют своей актуальности. В первую очередь, это связано с деформацией и изменениями традиционных форм социальной жизни человека. Информационная революция сконструировала новый вид коммуникации – «цифровые сети коммуникации» [1. С.21]. В связи с этим для философского осмысления информационной революции необходимо рассмотрение роли медиа в современных социальных отношениях.

Коммуникационный процесс всегда являлся центром, связующим звеном всех видов взаимоотношений: межличностные взаимоотношения, отношения человек – общество, общество – власть и так далее. Все эти процессы осуществлялись именно через каналы коммуникации. XXI век характеризуется эпохой сетевого общества, «социальная структура которого построена вокруг (но не определяется с помощью) цифровых сетей коммуникации» [1. С.21]. В обществе XXI века каналами коммуникации является массмедиа, а также горизонтальные сети коммуникации, возникшие в сети Интернет.

Мы можем охарактеризовать информационную революцию как господство информации, основным источником трансляции которого является массмедиа. Новизна медиа заключается в том, что традиционные СМИ были направлены на «индивидуальные мысли» [2. С.21]. Современные же средства массовой информации пытаются охватить как можно больший объем жизнедеятельности человека, вводя его в сферу виртуальной реальности. Как итог, если выразиться словами В. В. Тарасенко, мы получаем новый вид человека – «человек кликающий», а феномен культуры превращается в феномен «кнопочной культуры» [3, С. 43–44].

Достаточно ярким и актуальным, на мой взгляд, будет пример крайне распространенного в современном обществе интернет-блоггинга. Блоггинг в настоящее время является альтернативой, о равнозначности которой еще можно поспорить, печатных книг и различных изданий, который являлись основным каналом коммуникации и медиа в предшествующие эпохи. Аудитория современных блоггеров может насчитывать десятки миллионов человек, соответственно и информацию, которую они представляют своей аудитории считывает те же десятки миллионов человек. Для наглядности сравним: численность населения Норвегии составляет 5,4 миллиона человек, а количество подписчиков К. Роналду составляет 250 миллионов человек. Таким образом, блоггинг принимает значительно участие в формировании нового типа социальности, а соответственно и нового типа реальности, в котором эта социальность существует – медиа реальность.

В процессе становления медитативной реальности происходит и формирование нового медиа отношения человека к себе и к другим в целом. В настоящее время человек предпочитает позицию созерцателя окружающего мира и самого себя. Все больше набирает обороты феномен анонимности. Как точно описала этот процесс Ж. В. Федорова в медиа пространстве «нет и не может быть человека как субъекта, ответственного за слова поступки: анонимность – главный принцип социальных медиа» [4. С.76]. Анонимность способствует «заклочению» человека в рамки личного и отчуждению от общественного, коммуникация с собой, не с обществом.

Массмедиа охватило современную реальность, она стала девизом информационной революции, она проникла во все сферы функционирования общества, вплоть до самых его оснований. Масседиа, информация стали современной реальностью, в которой человек XXI века коммуницирует, обретает идентичность и так далее. Сейчас перед философией и социо-гуманитарными науками вообще стоит, на мой взгляд, важнейший вопрос нашей эпохи – вопрос, касающийся свободы информации, а именно, каковы критерии, которые бы ограничили поток информации, дифференцировали и «отсеивали его»?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд-во Высш. школы экономики, 2017. 591 с.
2. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 331 с.
3. *Тарасенко В. В.* Человек кликающий: фрактальные метаморфозы // Информационное общество. 1999. №1. С. 43–46.
4. *Федорова Ж. В.* Информационная революция как событие и со-бытие // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2018. №4 (24). С. 71–78.

ПРОБЛЕМА НОВИЗНЫ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

Ю.В. Логиновская

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Проблема новизны актуальна с философской точки зрения при исследовании научного и художественного творчества, при оценке объектов инновационной деятельности и авторского права, а также при исследовании эволюционных процессов. Новизна – существенный признак, по которому мы опознаем процесс создания нового, и важнейший критерий, по которому мы определяем развитие явлений и результат самого творчества. Цель настоящей работы – исследовать, возможна ли новизна в онтологическом плане, как сознание распознает и реализует новое.

Определение новизны как феномена не имеет четких формулировок и часто сводится к признаку нового: «то, что является новым в чем-либо, где-либо» [5]. В научно-образовательной деятельности новизна связана с информацией как ее качественный и содержательный критерий. По отношению к работе с информацией выделяется теоретическая или практическая новизна, а уровень новизны зависит от задачи: информация уточняется, конкретизируется, дополняет или полностью преобразует уже известное [6]. Если информация и знание выступают субстанцией нового, то можно допустить, опираясь на квантово-информационные концепции сознания (Р.Пенроуз, С.Хамерофф и др.) [7], что новизна имеет онтологическое основание в сознании и лежит в основе процессуальности бытия. Новизной характеризуется эволюция саморазвивающихся систем на всех уровнях с повышением целостности, жизненности и сложностности [1].

Существует и противоположная точка зрения, что новое не может являться онтологической категорией (поскольку бытие одно и едино), а выступает выражением множественности сущего. Так, А.Ф. Кудряшов относит новизну лишь к практической стороне творчества и связывает ее с тягой людей к прогрессу, но делает допущение, что творческий субъект, имея определенные ограничения, обладает онтологически бесконечным творческим потенциалом [4].

Если же опираться на глобально-эволюционный подход, онтология новизны лежит в основе эволюционирующего бытия и является источником всякого творчества вообще и развития уникального человеческого сознания в частности [8]. Онтологический аспект новизны всегда сопряжен с работой сознания как системы оценки, относительно которой это новое становится очевидным для самого человека и/или для других. Новизна в онтологическом плане – универсальная характеристика бытийных преобразований, наблюдаемых в процессах обновления сложностных систем, эволюции форм жизни в природе, смыслов, образов и идей в культуре. Это возможно, если понимать бытие как открытость.

При рассмотрении новизны в лингвистическом ракурсе, она предстает как феномен, семантически отражающийся в языке через бытийные категории времени (новое – «то, что приходит после, вслед») и пространства (новое – «другое», отличающееся положением) [2.С.126]. Источником нового в информаци-

онном плане выступает познание, в результате которого, согласно Бондаревскому А.С., совершенствуется форма и семантика информации, что сопровождается ее структурированием и обогащением семантики образов новизны [2]. Такой подход показывает свойство нового упорядочивать и добавлять смысловые мерности, благодаря чему различаются исходная и результирующая информация. Отсюда следует важный вывод: новым можно считать не всякое изменение информации, а такое, которое способствует эволюции знания и раскрытию осознания на новом, более высоком уровне порядка. Творческая активность сознания в процессе познания состоит в приложении критерия новизны к усвоенному опыту.

Можно также говорить о критерии новизны, по которому отслеживается развитие самого сознания, приводя его к состоянию, обозначаемому термином «полное сознание» или «расширенное сознание» (extended mind). Субъективное обновление внутреннего состояния (единство «сознание-тело») может не обнаруживаться вовне, но становится источником творческого процесса и дает ресурс для создания нового. В творческой активности сознания свойство новизны предстает как саморазвивающееся явление.

Творческий процесс, согласно В.И. Плотникову и В.Н. Николко, обуславливается нестационарностью (динамичностью) и эволюционностью реальности, но не ограничивается ими, поскольку имеет собственный фундамент – сознание [3]. Благодаря совокупности этих факторов обновляется бытие. Развертывание осмысления нового в сознании становится источником обновления процессов.

Источники нового в сознании (осознание принципов, включения парадокса, инсайт, игра смыслов и др.) обеспечивают единство на более высоком уровне порядка и включают в новизну критерий многомерности, что соответствует эволюционной направленности нового.

Итак, онтологическое значение новизны состоит в понимании познания и творчества как источников обновления и эволюции бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аришинов В. И., Свирский Я. И.* Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // *Философия науки и техники*. Т. 21. 2016. № 1. С.78–91.
2. *Бондаревский А.М.* Определение понятия «новизна». Формализованный подход // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2012. №1. С.125–142.
3. *Дьячкова О. Н.* Новизна как универсальный критерий творчества // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2007. №53. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novizna-kak-universalnyy-kriteriy-tvorchestva> (дата обращения: 06.04.2021).
4. *Кудряшев А.Ф., Елхова О.И.* Новизна в философских исследованиях // *Вестник Башкирск. ун-та*. 2014. №4. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novizna-v-filosofskih-issledovaniyah> (дата обращения: 06.04.2021).
5. *Новейший* большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: НОРИНТ, М.: РИПОЛ классик, 2008. С. 653.

6. *Полонский В.М.* Словарь по образованию и педагогике. М.: Высш. шк., 2004. 511 с.
7. *Hameroff S., Penrose R.* Consciousness in the universe: A review of the «Orch OR» theory // *Phys. Life Review.* 2014. Mar. 11 (1). PP. 39–78.
8. *Jantsch E.* The Self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution. Oxford: Pergamon press, 1980. 343 p.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАУЧНОСТИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В XXI ВЕКЕ

И.А. Минова

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

*Национальный исследовательский
Томский Государственный Университет*

В историческом развитии научного знания можно обнаружить такие этапы, когда радикальным образом изменяется картина познаваемой реальности, и, следовательно, методы познавательной деятельности. Такие этапы в истории науки обозначаются как научные революции или смена научных парадигм. Всего можно выделить три этапа научности – классическая, неклассическая и постнеклассическая научная рациональность. Во второй половине XX века происходят такие изменения в структуре научного знания, которые позволяют нам говорить о переходе к новому типу научности – постнеклассической научно рациональности.

Науку на современной стадии развития называют технонаукой, так как она представляет собой симбиоз научного знания с высокими технологиями (НБИКС технологиями). Технонаука – особое измерение современной науки. Ядром технонауки являются НБИКС технологии, которые в процессе взаимодействия создают мощные средства для преобразования нашей цивилизации. В связи с этим, на передний план выходят вопросы, связанные с этической проблематикой. Ведь на современном этапе науки, объектом научного воздействия становятся сложные саморазвивающиеся системы, в которые в качестве компонента включен и сам человек.

Наиболее важными, на мой взгляд, из этой «большой пятерки» являются биотехнологии, так как они непосредственным образом воздействуют на природу человека. Так, на современном этапе, стремительно развивающейся сферой человеческой деятельности являются биомедицинские технологии. И новым направлением деятельности, откликающейся на биотехнологические вызовы, стала биоэтика. Биоэтика, является не только наукой (в смысле теоретической деятельности по производству знания), но сложным цивилизационным феноменом в виде социального и политического института, а также социальной практикой, в поле которой формируются новые нормы и правила деятельности с объектами биотехнологий.

Толчком для образования биоэтики послужило внедрение в человеческую практику новых биомедицинских технологий, что послужило возникновению идеи морального и правового регулирования возникших конфликтов, полученных в процессе научных исследований. «Задача биоэтики, развивающейся в рамках современного типа технонауки и включающей технологии этической и социогуманитарной экспертизы, заключается в проактивной (опережающей) диагностике, оценке и менеджменте рисков, связанных с разработкой и практической реализацией биотехнологических инноваций» [2.С.209]. Таким образом, приобретают актуальность различного рода коммуникативные площадки, чья деятельность направлена на достижение консенсуса.

Биоэтика – область исследований, которая призвана реагировать на технологические вызовы, связанные с вмешательством биотехнологий в природу человека.

«Биоэтика как академическая дисциплина, социальный институт и социальная практика опредмечивается в контексте общей стилистики, характерной для постнеклассической науки конца XX – начала XXI века» [3. С.48].

Так как биоэтика опредмечивается в контексте постнеклассической науки, можно выделить некоторые характеристики постнеклассической науки, которые транслируются также и в биоэтике.

Первая отличительная черта – это интеграция научно-технического и гуманитарного знания. В биоэтике эта интеграция представлена как объединение биологического и этического знания.

Отсюда вытекает еще одна отличительная черта постнеклассической науки – это ориентация на междисциплинарность исследовательских практик. Биоэтика приобретает статус междисциплинарного феномена, в котором взаимодействуют различные общественные структуры и представители целого ряда дисциплин.

Помимо междисциплинарности, биоэтика представлена также как трансдисциплинарный феномен, где приставка «транс» означает ориентированность на решение практически важных задач. Наука перестает быть видом эзотерической деятельности, имеющей свой собственный внутренний контроль. Она становится открытой системой, направленной на решение жизненно-практических проблем.

Еще одной отличительной чертой постнеклассической науки является установка на ценностную ориентацию научной деятельности. Это связано с переходом к новому типу объектов – к саморазвивающимся системам, куда включен в качестве компонента и сам человек. Дело в том, что с приходом биомедицинских технологий человек становится не только наблюдателем исследовательского процесса, но и главным объектом экспериментирования. Б.Г. Юдин писал о том, что человек становится «мишенью», на которую направлены технологические процессы. То есть человек как-бы включен в познаваемую им же реальность. «Для нового этапа развития науки характерно снятие субъектно-объектного дуализма, в результате уходит со сцены науки «абсолютный наблюдатель», субъект и объект принимаются в их равной ипостаси» [1. С.156]. В связи с этой установкой объекты постнеклассической науки определяются как «человекообразные объекты».

Так как на протяжении долгого времени наука стремилась к достоверному знанию, при этом считалось, что в знании тем больше объективного, чем меньше субъективного, то важнейшей характеристикой научного мировоззрения была ценностная нейтральность науки. Установка на беспристрастное, объективное познание предполагала свободу от ценностей. Но сейчас, когда объектом постнеклассической науки стали сложные саморазвивающиеся системы, так называемые «человекообразные» объекты, ситуация кардинально меняется. Ценностное измерение теперь рассматривается как неотъемлемая характеристика исследования объектов науки.

Таким образом, мы видим, что нравственная составляющая современной науки не является чем-то внешним, напротив, это – органическая составляющая

научной деятельности, достаточно ощутимо влияющая на современную проблематику и направления исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тищенко П.Д., Юдин Б. Г.* Социогуманитарное сопровождение инновационных биотехнологических проектов // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека. М.: Изд-во МосГУ, 2017. С. 209–237.
2. *Черникова И.В.* Философия и история науки: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.
3. *Яскевич Я.С.* Биоэтика в контексте междисциплинарных стратегий и механизмов создания этических комитетов // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 1. М.: ИФРАН, 2007. С. 48–70.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СТАНОВЛЕНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ НАУКИ

О.Б. Панова

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Современная эпоха Четвертой промышленной революции, ныне уже обозначенная одним из ее ведущих идеологов профессором Клаусом Швабом как эпоха «*великой перезагрузки*» в ответ на глобальный кризис, вызванный пандемией Covid-19, и поиска перспектив постпандемического мира, характеризуется кардинальным мировоззренческим сдвигом [5]. Стремительно идет процесс изменений всего мирового порядка: цифровая революция и тотальная цифровая трансформация, активное внедрение прорывных Hi-Tech, усиление тенденции технологизации всех сфер человеческой жизнедеятельности и смена технологического уклада социума в целом, создание экосистем Smart City, и, соответственно, – смена направления глобального экономического развития.

Наука естественным образом включена в эти инновации, во многом являясь их двигателем и инициатором [4]. В данном контексте происходит существенный сдвиг научной парадигмы, связанный с новым – *постнеклассическим* – этапом в истории науки [2]. Однако для самой науки сложившаяся ситуация – проблематична. Бытие, роль и значение науки, также и будущее ученых сегодня весьма неоднозначно. Сложное положение науки в современном мире вызывает необходимость серьезного *философского* осмысления, потому повышается значимость философии и философской рефлексии для понимания места, роли и значения науки в социуме сегодня и для эффективного, успешного и результативного осуществления перспективных научных исследований.

В результате революционного скачка в глобальном масштабе кардинально меняется мировоззрение. На наших глазах формируется новый – более сложный – образ мира: эволюционно-синергетический, характеризующийся нелинейностью, стремительной динамикой, холизмом, представлением об универсуме как единой сложной саморазвивающейся и самоорганизующейся системе в процессе глобальной эволюции, органически включающей самого человека и всю историю человечества. Соответственно, именно философам предстоит объяснение этого процесса и обоснование новой онтологии – *онтологии сложности* – и построение на ее основе новой научной картины мира постнеклассической эпохи.

При этом возникает и новое понимание знания, следовательно, вновь следует философское вопрошание о природе и сущности познания. – Что суть познание? Как возможно познание? Каким образом может быть познаваем Мир? – вопросы философские по своей сути, и они необходимы для глубокого понимания современной постнеклассической наукой объекта, предмета, методов своего исследования и своих фундаментальных философских оснований. Философия, как известно, инициировала и претерпела ряд «поворотов» (антропологический, онтологический, лингвистический, герменевтический и др.), которые всякий раз и изменяли существенно образ мировоззрения и мышления человеческого сообщества. И когда происходит поворот к «экономике знаний» и «обществу, основанному на знаниях», на первый план вновь выходит гносеологическая и эпи-

стемологическая проблематика. Понимание познания изменилось. Приоритетную роль в обновлении подходов к осмыслению познания получает эволюционная эпистемология. Познание стало пониматься не как генерирование информации, а как этап глобального эволюционного процесса, как непрерывное сотворение мира в процессе самой жизнедеятельности. С доминированием технонауки знание теперь представляет собой результат, получаемый посредством конвергенции наук, технологий и социальных практик – NBICS, где осуществляется взаимодействие нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий. И это, как и любое другое наблюдавшееся ранее, изменение в понимании ключевого концепта «познание» становится возможным только посредством работы философской мысли, всегда необходимой. Более того, сам процесс взаимоотношения и взаимозависимости научных исследований, социальных практик и новых технологий демонстрирует, происходящее радикальное изменение образа самой Науки, появляется новый тип мышления – *сложно-системное мышление*. Это мышление, сопрягающее сложность, порождаемую познанием и сложность саморазвивающихся природных систем. Так современная постнеклассическая наука сама предлагает более сложную модель познания посредством интеграции естественных, гуманитарных наук и Digital Science, и эта модель должна быть осмыслена современными философами и философски обоснована.

В связи со сменой парадигм научной рациональности и формированием новой постнеклассической парадигмы науки, технонауки, происходит трансформация структурной организации научного знания, что вызывает потребность в философском анализе изменений в структуре науки и построение новой адекватной этим изменениям методологии научного исследования. Если классическая наука, согласно принципу классической рациональности, была организована вполне четко и понятно – строго дисциплинарно, неклассическая научная парадигма способствовала появлению и развитию междисциплинарных исследований, то постнеклассическая наука современной эпохи требует выхода на уровень трансдисциплинарности. Осмысление и обоснование самого феномена трансдисциплинарности – задача философии. Технонаука с ее развитием технологий NBICS-конвергенции уже по своему происхождению междисциплинарна, и сам процесс исследования в данном случае осуществим только в междисциплинарном научном дискурсе. Однако сами науки, изучая закономерности природы и общества, проблемой сущности междисциплинарности и трансдисциплинарности не занимаются. Но решение этой проблемы чрезвычайно важно для их перспективного развития и возможно только посредством философского вопрошания и философской рефлексии. Это и требует философской рефлексии науки, ориентирует на глубокое переосмысление самой науки как таковой в самых ее основаниях. В свою очередь, только поднявшись на философский уровень осмысления сложившейся ситуации, можно понять, что *трансдисциплинарность* – это не только совместная и согласованная работа отдельных дисциплин в поиске решения некоей актуальной проблемы. Ее суть – в кооперации, взаимодействии естественных и социогуманитарных дисциплин, в возможности качественного изменения: возникновения в перспективе того целого, которое не больше и не меньше составляющих его частей, но просто иное. И технонаука

содержит все это в потенциале и имеет возможность выйти на новый уровень трансдисциплинарности.

Актуальнейшей проблемой современности глобального масштаба стала *антропологическая* проблема, несомненно, требующая философского анализа. Гуманизм vs трансгуманизм. NBICS технологии и технонаука достигли такого уровня развития и власти, что способны коренным образом искусственно изменить саму природу человека и его статус в Мире. Возможно, впереди – с переходом от Homo Sapiens к Homo Deus, [3] грядет «постчеловеческое будущее» (мир киборгов?). Под угрозу поставлено выживание и самосохранение самого человека как вида и человечества в целом. Потому серьезная работа предстоит *философской антропологии*.

Таким образом, в нынешней ситуации неопределенности требуется работа философской мысли над *основаниями* науки, грамотная постановка *философских* вопросов, которые и обеспечивают ее динамичное развитие, и поиск ответов на которые совместными усилиями ученых, философов, политиков, предпринимателей в междисциплинарном научном сообществе способствует решению поставленных проблем, и, следовательно, новым открытиям и новым достижениям.

Роль философии особо повышается в связи с остро стоящими сегодня проблемами этики науки. Этическая проблематика изначально имеет глубокие философские корни, этика – дисциплина философская в истоке своем [1]. И сейчас одна из важнейших задач философии – актуализировать необходимость этической ответственности ученых, науки, властных структур бизнеса, человечества в целом за все происходящее в мире в связи с необдуманном и насильственным применением современных NBICS-технологий – глобально-цивилизационный кризис, критическое нарушение технико-гуманитарного баланса, экологическую катастрофу, обострение социально-экономических и политических конфликтов и т.п. Очевидна необходимость создания Этоса технонауки в современном мире – это возможно только на серьезной философской основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци Э. Почему у науки есть этические измерения? // Вопросы философии. 2009. №10. С.93–105.
2. Степин В.С. Наука и философия // Вопросы философии. 2010. №8. С.70.
3. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
4. Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. 2010. №8. С.45–56.
5. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The Great Reset. Forum Publishing (World Economic Forum-2020), 2020. 280 p.

BIG DATA: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

П.А. Петров

Научный руководитель: к.ф.н. Т.А. Вархотов

Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова

Информационные технологии, возникновение которых пришлось на XX век, а распространение продолжается до сих пор, обеспечили человечество новыми глобальными сетями связи, доступной в различных форматах. Вычислительные мощности компьютеров позволили оперативно обрабатывать большие объемы информации, а многообразие функционала электронных устройств нашло применение в большом количестве социальных практик, расширив возможности человека. На сегодняшний день трудно представить передовые корпорации и производственные отрасли, никак не использующие информационные технологии в своей деятельности; людей из больших городов, совершенно не использующих современные средства связи [2]. Распространенность информационных каналов и многообразие предоставляемых ими способов коммуникации, а также перевод большинства социальных практик в цифровой формат привели к появлению Больших Данных или Big Data.

Большие данные возникли в связи с использованием информационных технологий большим количеством людей в самых различных сферах общественной жизни: экономике, науке, производстве, культуре. Технологии позволяют упростить множество стоящих перед нами задач: доставку сообщений, поиск информации, производство замеров и так далее. Используя электронные средства, мы, тем самым, оставляем часть информации о себе: например, что и где мы делали с помощью этих устройств [1]. Хотя в большинстве случаев эта информация носит технический характер, она увеличивает общее количество данных и участвует в их накоплении.

Большие данные изначально определялись через объем: обычный компьютер не мог справиться с их обработкой. Однако, Big Data – это информация иного порядка по сравнению с обычными данными: они производятся непрерывно, в режиме реального времени, охватывая любую деятельность, попавшую в поле информационных технологий. Их ключевыми характеристиками являются [3]:

- Огромная скорость накопления и множество форм, поскольку данные создаются и обновляются каждую секунду и каждый раз, когда кто-то так или иначе попадает в поле цифрового пространства.
- Исчерпывающий характер (поскольку это абсолютно все следы всех пользователей электронными технологиями).
- Высокая дискретность (открывающая возможность группирования, идентификации и систематизации данных).

Оперативность и автоматическая регистрация данных любого формата позволяет выйти на новый уровень анализа: благодаря им становятся доступны связи и аспекты человеческого поведения, не поддававшиеся наблюдению ранее. Любые, даже самые тонкие социальные взаимодействия, которые осуществляются в информационной среде, оставляют свой след, который можно обнаружить и изучить. Возможность наблюдения в реальном времени позволяет систе-

матизировать и прослеживать передачу эмоций, установок, паттернов. На основании этих данных передовые интернет-ресурсы подбирают для пользователей «контент по интересам», формируя те информационные блоки, которые могут их заинтересовать [4]. При этом, сегодня получается анализировать всю сеть контактов человека благодаря его следам в виде телефонных звонков или электронных писем, а не фокусироваться только на сильных связях (например, родственников), что может помочь провести социологический анализ или отследить преступника и предотвратить террористический акт.

Проблема Big Data заключается в том, что они технически не подразумевают приватности: для того, чтобы операция, совершенная с помощью информационных технологий, получила статус легитимной, она должна отразиться в истории совершаемых действий. По умолчанию, предполагается, что эта информация носит конфиденциальный, сугубо технический характер и она необходима, дабы обеспечить возможность доступа к интересующему контенту. Однако, данная информация так или иначе сохраняется, что делает ее потенциально доступной для аналитики. «Контент по интересам» формируется на основании данных, которые пользователь мог бы не согласиться предоставить: списка посещенных им мест, истории покупок за месяц, избранных интернет-страниц. Отслеживание предполагаемых террористов дает возможность следить за любым другим человеком под лозунгом «мер безопасности», что носит неэтичный и противоправный характер. В то время, как отдельные пользователи стремятся создавать особые виртуальные идентичности [5], анонимность в любой момент может быть нарушена, а источник – оказаться обнаруженным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Губа К.* Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? //Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №1 С. 213–236.
2. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Е.: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. *Одинцов А.В.* Социология общественного мнения и вызов Big Data //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30–43.
4. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2019. 128 с.
5. *Turkle S.* Life on the screen: Identity in the Age of the Internet. NY, Simon and Schuster, 1995. 347 с.

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА

А.А.Петрова

Научный руководитель: к.ф.н. А.А. Скворцов

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Человечество все больше погружается в цифровую эпоху. Начинают появляться все новые и новые технологии, задачей которых становится улучшение и упрощение человеческой жизни. То же самое можно сказать и о беспилотном транспорте. Хотя данная новинка еще не так распространена, как, например, робот-пылесос или беспилотная техника на крупных заводах, можно проследить тенденцию к появлению новых беспилотных транспортных средств (БТС). Сейчас даже идет некая «борьба» между транспортом, изготовленным под лейблом Tesla Илона Маска, и транспортом российского производства.

Однако нельзя не отметить, что подобные технологии вызывают сильный общественный резонанс. И не только с практической, экономической или социальной, но и этической стороны. Возникает множество вопросов, касающихся целесообразности использования робомобилей, а также относительно тех моментов, когда случаются дорожно-транспортные происшествия (ДТП). В данной статье с этической точки зрения будут рассмотрены вопросы, касающиеся дорожно-транспортных происшествий с участием человека (ДТП-Ч) и беспилотных транспортных средств. А именно:

1. Кто и какую ответственность несет в случае ДТП-Ч? Будет ли вина лежать полностью на человеке или мы имеем полное право обвинить полностью автоматизированную машину с зачатками интеллекта?

2. Как следует оценивать ситуации, в которых ДТП-Ч случилось строго по причине нарушения человеком правил дорожного движения?

3. Возможна ли полная алгоритмизация системы принятия решений для управления транспортным средством? Меняется ли расстановка приоритетов в этой ситуации в зависимости от наличия родственной связи между владельцем беспилотного автомобиля и пассажиром или пешеходом?

4. Можно ли решить вышеуказанные проблемы с помощью обучения (стоит рассмотреть и обучение человека, и обучение машины)?

В современности рассмотрением подобных вопросов занимаются специализированные гуманитарные комиссии. Так как беспилотный транспорт начинает все больше входить в обыденную человеческую жизнь, проблемы ДТП-Ч и робомобилей возникают все более часто. Еще на испытательном полигоне необходимо решить, как действовать в той или иной ситуации и, самое главное, как эти ситуации оценивать. Задачи, которые могут быть поставлены перед этическими комитетами для анализа данной ситуации, могут выглядеть следующим образом:

1. Выяснение факта, является ли беспилотное транспортное средство полностью автоматизированным и исправным, так как от этого, во многом, зависит количество ДТП на дороге. В практике подобного рода уже есть несколько прецедентов, когда БТС (беспилотное транспортное средство) оказывалось неисправным, в результате чего были человеческие жертвы.

2. Максимально полное, эффективное информирование граждан о предстоящих реформах в сфере общественного и личного транспорта. По мнению некоторых экспертов, своевременное информирование может заострить внимание обывателей на ситуации, благодаря чему, по логике вещей, количество ДТП с участием человека (ДТП-Ч) сократится.

3. Решение животрепещущих проблем, когда ДТП-Ч все же случаются. Обвинить ли в таком случае БТС или человека?

4. Мониторинг проведения внедрения БТС, сбор информации о положении дел.

Также задачей этического комитета является прогнозирование возможных исходов любого крупномасштабного действия. Человеческая жизнь – высшая ценность. Ее необходимо охранять, сохранять и преумножать. Для того, чтобы не случилось ДТП-Ч, необходимо не только регулировать и отслеживать создание беспилотных транспортных средств, но и проводить перестройку и подготовку социума. Это должен быть долгий, упорный процесс, так как слишком резкое изменение обыденного и привычного положения дел может повлечь за собой множественные жертвы.

Как и многие современные проблемы, данный вопрос не может рассматриваться отдельно от множества смежных: ограниченность искусственного интеллекта, которую нельзя отрицать; постоянные попытки создать эквивалент человеческого мышления, которые приводят к превратному пониманию человеческого сознания; существование человеческого фактора, от которого нет возможности избавиться, – все эти проблемы должны быть рассмотрены для того, чтобы во всей полноте осветить тему внедрения беспилотных транспортных средств. Сотрудники этических комитетов, которые создаются в рамках гуманитарной экспертизы, обязаны заблаговременно думать о последствиях, которые могут возникнуть даже в такой ситуации. Этическая справедливость, которую с необходимостью нужно учитывать в рамках рассмотренного вопроса, справедливость в отношении человека, породившего машину, способную приблизительно похоже думать, снова заставляет нас вернуться к одному из сложнейших вопросов в истории: «Почему человек стремится создать существо, подобное себе?».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брызгалова Е.В.*, Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиулина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 18–21.
2. *Луков В.А.* Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // Знание. Понимание. Умение. 2006. №4. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-ekspertiza-ot-teorii-k-praktike> (дата обращения: 02.04.2021).
3. *Тищенко П.Д.* Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-gumanitarnoy-ekspertizy> (дата обращения: 02.04.2021).

4. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.

ТАК ЛИ ГУМАНЕН ТРАНСГУМАНИЗМ?

Е.Д. Романова

Научный руководитель: к.ф.н. Кириленко Юлия Николаевна

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

На протяжении всей истории люди создавали себе образы богов, супергероев, которым приписывали качества и способности, свойственные нам самим, но развитые до неограниченных возможностей. Также практически на всей протяженности исторического процесса мы обнаруживаем, тенденцию человеческой способности формировать себя в образе по своему предпочтению [1.С.16].

Техника, как целенаправленная деятельность, свойственная только человеку, являлась одним из движущих механизмов эволюции нашего вида. Но прогресс в области техносферы не останавливается на достигнутых новациях. Наш организм в условиях постиндустриального общества также должен подвергнуться вмешательству, в нашу жизнь уже входят явления, которые не так давно казались чем-то из области фантастики. Сейчас как никогда актуальны идеи, освященные в концепции трансгуманизма. Эти идеи доносят до нас необходимость и при этом объясняют возможность совершенствования интеллектуальных и физических способностей человека за счет привлечения современных технологий.

Трансгуманизм – это философское движение и направление мысли, стремящееся расширить биологические пределы человеческих возможностей за счет использования нано, био, информационных, когнитивных технологий в объединении с социальными. NBICS-технологии ставят перед собой приоритет в решении ряда социальных проблем, реализации потенциальных возможностей накопленных знаний, которые будут направлены на удовлетворение глобальных человеческих потребностей. Трансгуманизм часто рассматривается как логическое продолжение гуманизма в контексте текущего прогресса и нынешних темпов развития.

Оптимизация человеческого организма с помощью медицины и технологий не является для нас чем-то новым. Достижения в области науки оказывали благоприятное влияние на человеческое существование: мы уже давно используем инновационные технологии для оптимизации своего организма, выходя за рамки естественного существования. Некоторые ученые утверждают, что человечество уже трансгуманно, потому что достижения медицины значительно изменили наш вид за последние столетия.

В контексте рассуждения о трансгуманизме, стоит отметить понятие постчеловека. Постчеловек – это будущее человека, которое является тем, во что он переродится или переродит себя сам при помощи передовых технологий. Считается, что искусственный интеллект тоже может стать «постчеловеком». В идеале постчеловек должен стать бессмертным, так как функционирующие части человеческого организма будут заменены на технические устройства, а от человека останется только его мозг, который сохранит наши уникальные особенности: психические процессы, эмоции и сознание со всеми вытекающими из него способностями. Человеческое мироощущение уже очень давно включает в себя технику. Человек формирует вокруг себя среду обитания, а его отношение к технике изменялось в течении времени вместе с количеством жизненного, про-

странства занимаемого с техникой. С этого ракурса, уже заметно, что человек становится, буквально, ближе к технике с каждым годом.

Сторонники концепции трансгуманизма видят будущее для осуществления перехода к «постчеловеку» в NBICS-технологиях. Авторами термина «NBIC-конвергенция» являются Михаил Роко и Уильям Бейнбридж, впервые описавшие это взаимодействие еще в 2002 году. В последствии к NBIC прибавилась буква S от «social», поскольку любой научный прорыв имеет социальные последствия и требует анализа. Принципиальное отличие этих технологий в том, что помимо того, что в ходе своего развития они дадут человеку возможность не только изменять свое природное начало, но и создадут понимание того, как они повлияют на идентичность человека в последствии.

Существуют разногласия на счет того, насколько гуманной является эта «концепция будущего». Человек в условиях постмодернистского распада устойчивых социальных и культурных стратификаций оказался не только в ситуации тотального отчуждения, но и полной утраты идентичности, глубинных онтологических оснований собственной жизнедеятельности [1.С.20]. Рассуждая о негативной оценке трансгуманизма, часто говорят о том, что продление жизни на неопределенный срок, и победа над естественной смертью, может лишить наше существование глубокого смысла. Конечная природа человеческой жизни является своеобразным стимулом для достижения целей. Без постоянного осознания смерти у нас не было бы мотивации чего-либо достичь - для этого в нашем распоряжении была бы целая вечность.

Подводя итог, всему выше сказанному, мне хотелось бы сказать, что современный мир ставит перед нами такое огромное количество вопросов, что человек сталкивается с экзистенциальными невротами и кризисами, а потому каждому из нас приходится склеивать у себя в голове частички целого знания, которое дано нам в разных науках. Однако, предложенное развитие различных отраслей науки, на примере «NBIC-конвергенции», в дальнейшем должно способствовать возникновению области знания и более полному изучению всех уровней организации материи, а также ускорению выявления базисных природных закономерностей, определяющих идущие в мире процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенов И.В.* Экзистенциальные аспекты трансгуманизма // Вестник РХГА. 2016. №1. 290 с.
2. *Ильин В.В.* Философия технонаучной цивилизации // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2019. №1. 158 с.
3. *Трофимов В. В.* Философская критика трансгуманизма // Наука. Искусство. Культура. 2017. №2. 199 с.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНВЕРГЕНТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ОТВЕТ НА СМЕНУ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

К.В. Севастов

Научный руководитель: д.ф.н. М.А. Можейко
*Республиканский институт высшей школы
Минск, Беларусь*

Цивилизационная повестка второй половины XX века, охарактеризованная своего рода социокультурным взрывом в виде провозглашения всеобъемлющей нелинейности, побуждает культуру к тотальному пересмотру реальности и смещению от концепции традиционности к концепциям фрагментарности и разно-векторности. Так, культура модерна переходит в состояние постмодерна.

Рассматривая образование не только как феномен культуры в целом, но и как инструмент для субъективной адаптации, а также как комплекс накопления, трансляции и передачи культурного опыта [5.С.121], важно определить, что смена культурной парадигмы вынуждает и образование к постепенной трансформации.

Постмодернистская идеология, поэтапно внедряясь в социальную действительность, меняет и направление педагогической мысли, опиравшейся на триединство таких понятий, как авторитетность, традиционность и преемственность, тем самым утверждая принцип онтологической плюральности [4.С.82].

Проблема образования, несмотря на свою актуальность и по сей день, интересовала философов и социологов на протяжении всего процесса развития постмодернистского типа философствования.

Так, Н. Луман определяет образование как социальный процесс со специфичной для него коммуникацией, который является не чем иным, как постоянным перемещением от *незнания к знанию* и наоборот [2].

В то же время Ж.-Ф. Лиотар скептически описывает концепцию Н. Лумана, опираясь на метод языковых игр, который в свою очередь подразумевает использование речевых оборотов с присущим субъекту желанием успеха, – и в итоге преимущество имеет тот, кто использует речевые конструкции *лучше* [1].

Тем не менее культура *постмодерна* и философия *постмодернизма* абсолютно по-разному артикулируют феномен образования [3.С.132].

Так, постмодерн, критикуя традиционную стратегию образования за консервативность, своего рода авторитарность и приверженность к абсолютным основаниям, относил традицию к последним и строил свою модель образования на основе отказа от нее и ориентации на плюрально-вариативные семиотические модели, среди которых нет и не может быть приоритетной. Тем самым он совершает, вероятно, самую большую ошибку на пути развития всей постмодернистской идеологии, т.к. традиция по своей природе вариативна и плюральна. И в контексте образования это никак не противоречит основополагающему образовательному принципу – сохранению и передаче общегуманистических ценностей.

В то же время, рассматривая образования в контексте постмодернистской философии, можно определить, что исключительно традиционного подхода ста-

новится недостаточно, но тем не менее такие постмодернистские концепции, как множественность интерпретаций, всеобщая плюральность окружающего мира, апробированность всех возможных его трактовок и, как следствие, повторное применение готовой формы – все это может быть использовано в развитии нового образовательного подхода, основанном, безусловно, на подходе традиционном, но в то же время соответствующем постмодернистской концептуальности.

Так, одним из триггеров для формирования этого конвергентного подхода является массовая технологизация культурной и социальной реальности. Основой технологизированного мира является информация, которая в свою очередь по причине массовой доступности теряет не только свою ценность, но и существует абсолютно бесконтрольно, зачастую не соответствуя не только актуальности, но действительности.

В контексте кризиса образования данная информационная нестабильность является серьезным препятствием на пути к актуальности полученного образования: к моменту завершения образовательного процесса приобретенные знания (в виде информационного наполнения) могут не только потерять всякую актуальность, но и вовсе стать опровергнутыми. Информация, используемая в образовательном процессе, должна быть систематизирована и постоянно обновляться, чтобы оставаться в статусе актуальной.

Конвергентный подход подразумевает дисциплинарное сближение не только по признаку предметной схожести. Он также включает в себя инновационные технологические внедрения в образовательный процесс, основными целями которых являются обобщение и систематизация знания – это именно то, что традиционный подход в образовании утратил ввиду стремительного развития технологий. Также следствием и определенным преимуществом данного подхода является придание философским дисциплинам статуса фундаментального образовательного блока, потому как именно философия, формулируя универсальные когнитивные вопросы, обеспечивает конвергенцию различных образовательных дисциплин.

Таким образом, можно сделать вывод, что кризис культуры постмодерна – это совокупность локальных кризисных состояний, одним из ярчайших примеров которых является образование. И если постмодерн – как состояние культуры – приводит к образовательному кризису, то философия постмодернизма обнаруживает методологические основания и стратегический потенциал для преодоления данного кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя. 2015. 159 с.
2. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука. 2007. 648 с.
3. *Севастов К.В.* Конвергентные процессы в современном образовании: постмодернистский дискурс // Материалы межвузовского международного конгресса: Высшая школа: научные исследования. Москва, 2020. Т. 2. С. 132–137.
4. *Севастов К.В.* Традиционная и постмодернистская стратегии образования: анализ конфликта // II Международное книжное издание стран Содружества Не-

зависимых Государств «Лучший молодой ученый – 2020». Нур-Султан, 2020. С. 81–85.

5. *Sevastov K.V.* Convergence of socio-humanitarian knowledge: postmodern discourse // *Process Management and Scientific Developments: materials of the international conference*. Birmingham, 2021. Part 2. P. 121–126.

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ М. ДУГЛАС

В.Г. Сеньютъ

Научный руководитель: к.ф.н. Т.В. Фаненштиль

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Университет представляет собой многоаспектный социальный феномен; многокомпонентность его структуры затрудняет формулировку определения сущности университета. Цель данной работы – выявить характерные признаки университета как социокультурного института в рамках теории британского антрополога М. Дуглас.

Социокультурный институт – это более широкое понятие, чем социальный институт. В данном контексте под этим термином понимается некий образец или модель, существующая в обществе на ментальном уровне, сформированная в ходе исторического развития и поддерживаемая культурными практиками. М. Дуглас в работе «Как мыслят институты» убедительно показала, что существование каждого социального института обеспечивается мышлением индивидов, которые обращаются к нему как к этическому эталону при принятии жизненно важных решений [1]. Учитывая специфику названной работы, представляется более корректным использовать термин «социокультурный институт», так как методология М. Дуглас предполагает обращение к общечеловеческим особенностям культуры, не ограниченным локальной социальностью.

Согласно теории М. Дуглас, социокультурные институты обладают следующими характеристиками: коллективность, способность наделять объекты тождеством, динамичность, возможность распределять ответственность между индивидами, классифицировать элементы социальной реальности и формировать социальные идентичности.

Социокультурный институт может существовать только в обществе и поддерживаться коллективно. Например, функционирование любого университета требует совместной работы большого количества людей. Для успешного развития и достижения общих целей необходимо взаимопонимание, которое обеспечивается схожестью протекания мыслительных процессов. Сотрудники университета, преподаватели и студенты образуют мыслительное сообщество, члены которого разделяют определенные ценности и имеют собственные культурные практики. Одна из причин этого явления скрывается в истории – европейские университеты возникли как свободные союзы студентов и преподавателей, целью которых были поиск истины и гуманистическое образование.

Благодаря мысленному обращению индивида к различным институтам происходит познание социальной реальности через установление аналогий между фактами, событиями и другими индивидами. В ходе этого процесса человек переносит общие свойства социокультурного института как модели на отдельные объекты. Вследствие этого создается некая концептуальная схема, обеспечивающая принятие решений индивидом. Это свойство университета как социокультурного института можно проследить через анализ процесса выбора учебного заведения абитуриентом: он выбирает тот университет, который в его

представлениях наиболее полно соответствует желаемым характеристикам данного типа учебных заведений.

Социокультурные институты изменяются в зависимости от потребностей сообщества, в котором функционируют. Также они способствуют сохранению в коллективной памяти некоторых фактов, если это выгодно сообществу. Аналогичным образом факты могут исключаться из памяти, если они становятся ненужными. Подобную динамику можно проследить в развитии идеи университета, которая менялась вместе с развитием общества. Если М.В. Ломоносов считал российский университет центром национальной культуры, то Н.И. Пирогов уже связывал деятельность университетов с более широким кругом задач: обучение профессии, интеллектуальная поддержка государства, общий рост образованности населения.

Обращаясь в своем мышлении к университету как социокультурному институту, индивиды разделяют свое социальное бытие с другими членами сообщества, причастными к данному институту. Таким способом индивид осуществляет распределение социальной ответственности за те задачи, решение которых возможно только в ходе социального взаимодействия. Для университета такими задачами являются профессиональное развитие, общественная активность, построение intersubъективной картины мира и др. [3].

Институты определяют, как индивид будет упорядочивать социальные факты в своем восприятии. Например, если человек обращается к институту образования, то он может классифицировать членов общества по степени образованности или по характеру полученного ими образования (технари/гуманитарии и т.п.). Также принадлежность к определенному университету может предопределять оценку другими индивидами карьерных перспектив выпускников того или иного вуза; через востребованность работ сотрудников университета в научных журналах и т.д.

Индивиды часто ассоциируют себя и окружающих с определенным социокультурным институтом, что становится одним из оснований социальной категоризации. Идентичность многих выпускников университетов в какой-то степени связана с *alma mater*. Можно утверждать, что университет наравне с другими социокультурными институтами создает среду для развития личности, в которой обретается целостность социального бытия.

Таким образом, теория М. Дуглас может успешно применяться к изучению университета как социокультурного института. Преимущества данного подхода состоят в том, что он позволяет выявить такие аспекты этого явления, как: коллективность, динамичность, тождественность субъектов социальной реальности и возможность их классифицировать. Университет как социокультурный институт создает мыслительные сообщества, характеризующиеся собственной системой ценностей; становится основанием социальной категоризации; поддерживает динамику развития общества; делает возможным достижение коллективных целей; способствует формированию социальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дуглас М.* Как мыслят институты / М. Дуглас. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.

2. *Радугин А.А., Радугина О.А.* Социокультурный институт как идеальный конструкт культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2. №. 1. С. 165-173.
3. *Barnett R.* Knowledge and the University: Re-claiming Life / R. Barnett. New York, Routledge, 2020. 197 p.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: О ВАЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.А. Слюсарева

Научный руководитель: к.ф.н. Н. В. Николина

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Мы живем в эпоху бурно развивающихся информационных технологий, гармонично «встроенных» в различные сферы жизнедеятельности человека. Их влияние неоспоримо: во взаимодействии между людьми и скорости распространения информации, доступе к новостным контентам и перспективах успешной самопрезентации человека, в целом в развитии культуры и образования. В то же время, в условиях всеобщей информатизации и засилья массовой культуры индивидуальность часто заменяется массовостью (в искусстве, одежде, поведении), а границы «личного, частного» стираются, открывая доступ большой аудитории к тому, что до сих пор считалось сокровенным. Современный человек оказывается брошенным в мощный поток информации, продуцируемый средствами массовой коммуникации. П. Валери сравнивает такое положение дел с пребыванием человека в музее, где «продукция бесчисленных часов, потраченных столькими мастерами на рисование и живопись, обрушивается в несколько мгновений на ваши разум и чувства». Под влиянием «этого бремени» «мы станем поверхностными или же делаемся эрудитами» [1.С.207].

В условиях многообразия ориентиров человек испытывает трудности с самоидентификацией и адаптацией к новым социокультурным условиям. Эти процессы находят отражение и в среде молодежи, перед взором которых десятки ложных установок, и людей среднего и пожилого возраста, вынужденных «заскочить» на подножку несущегося вперед состава с названиями «инновация», «информатизация» и др. Э. Тоффлер состояние дезадаптации называет «шоком будущего» - реакцией человека на «запредельное нервное раздражение», подразумеваемая под ним физическое и психологическое страдание от перегрузок, которые испытывает человек, приспособляясь и принимая решения [7].

Психологический дискомфорт, ощущение ненужности, «невписываемость» в новый формат социального существования зачастую оборачивается психотравмами и «легкими» способами снятия стресса, типа наркотиков, алкоголя, беспорядочных увлечений и проживания в виртуальном мире. В.А. Кутырев отмечает, что человек, не следующий правилам социотехнической системы, выталкивается в маргиналы. В такой системе нет места морали и заповедям религии. Главными ценностями для постмодернистского общества остаются богатство, успех, здоровье, а душа, переживания, сомнения и выбор становятся «фактором брака», отвлекают от производства и точного выполнения рекомендаций [4].

Остановить несущийся состав глобализации мы не в силах, но возможно найти точку опоры, которая будет привносить в стремительно меняющийся мир устойчивость, надежность. В качестве таковой может выступить обращение к традиционной культуре, отношению к которой, однако, выражено в полярных позициях. Одна из них представляет ее как нечто застывшее, анахроничное, преграждающее путь прогрессу. Так, И. Валлерстайн подчеркивает, что долгое время культура осознавалась исследователями одним из препятствий для модерни-

зации и освоения нового, явлением традиционным, противоположным современному.

Другая позиция рассматривает традиции в качестве инноваций. Подтверждающий пример встречаем в статье у Гофмана А.Б, который напоминает нам о том, что Реформация или Великая французская революция, выступая против одних традиций, требовали возврата к другим, еще более «традиционным традициям», таким как античность или Священное Писание» [2]. То есть, нельзя отбрасывать то социально-значимое знание, которое исторически сложилось в культуре, потому что оно, по выражению Любимцева К.В., «придает социальному прогрессу человеческую размерность» [5]. Традиции выступают основной формой передачи социального опыта, через них осуществляется закон преемственности. Они способствуют формированию личности, наделению жизни смыслами. В. А. Кутырев, предостерегая от разрушения традиции, называет лучшим из миров тот, в котором люди живут, поддерживая свою идентичность. Родственную мысль высказывает В.С. Степин, говоря о том, что «унификация и уничтожение культурного многообразия может приводить к вырождению культур» [6. С.13].

На наш взгляд, существует закономерность между давлением информационных технологий и усиливающимся интересом к традиционной культуре. Речь идет не об отказе от «плодов цивилизации» (хотя такие случаи есть в мировой практике), а о гармоничном сочетании технологий и традиций. Значимость такого союза отмечает В.С. Степин, утверждая, что для жизни культуры и общества традиции и инновации также важны, как «наследственность и изменчивость для существования биологических организмов» [6]. Среди современных философов есть мнение о том, что этническую культуру прошлого надо знать и изучать, но жить – в современной культуре [3]. Вместе с тем, примеры социокультурной практики в России и за рубежом свидетельствуют о широких возможностях использования элементов традиционной культуры в жизни народов.

Данный обзор показывает, что в условиях глобализации общества, одним из вариантов определения и становления человека в мире является привнесение элементов традиционной культуры в жизнь человека. Имея в приоритете возвращение к своим корням, она способствует формированию ценностных оснований личности, идентичности в новых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валери П.* Об искусстве. М.: Искусство. 1993. 512 с.
2. *Гофман А.Б.* Социология традиции и современная Россия // Ежегодник. Выпуск 7. М.: Институт социологии РАН. С. 334–352.
3. *Кармин А С.* Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 53-56.
4. *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс. 2001. 240 с.
5. *Любимцев К.В.* Культура модернизирующегося общества: между прогрессом и традицией //Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С.70–74.
6. *Степин В.С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 12-13.
7. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: 2003. АСТ. 2002. 557 с.

УРОКИ АЛАНА ТЬЮРИНГА

Е.А. Тунда

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

В связи с четвёртой научной революцией пришло время более глубокого изучения уроков Алана Тьюринга. Первым на это обратил внимание Лучано Флориди в [1]. Поскольку эта работа не переведена на русский язык, есть смысл обсудить основные моменты, касающиеся этих уроков.

Три научных революции изменили то, как мы воспринимаем себя. Мы стали понимать, что:

- мы не неподвижны, в центре вселенной (Коперниканская революция),
- мы не отделены неестественно и не отличны от остального животного царства (Дарвиновская революция),
- мы очень далеки от того, чтобы быть обособленными умами, полностью прозрачными для нас самих, как, например, предполагал Рене Декарт (Фрейдовская революция).

С 1950-х годов информатика и информационно-компьютерные технологии (ИКТ) стали оказывать уже как экстравертное, так и интровертное влияние, изменяя не только наше понимание мира, но и наше самопонимание. Мы осознали, что в определённом смысле являемся информационными организмами или *информорами*, частью инфосферы, включенной в её взаимосвязи. Совместно с биологическими агентами и искусственными артефактами мы – часть глобальной среды, в конечном итоге состоящей из информации. Эта глобальная среда – инфосфера. Информационная среда состоит из всех информационных процессов, сервисов и сущностей, включая информационных агентов (людских и искусственных), а также их свойств, взаимодействий и взаимоотношений. Это то, что нам принесла четвёртая научная революция, а пионером этой революции был представительный учёный Алан Тьюринг (1912–1954).

Л. Флориди рассмотрел три урока Тьюринга с точки зрения развития философии информации и влияния её на дальнейшее развитие философии.

1 урок. Работа Тьюринга над *методом уровней абстракции (МУА)* может научить нас правильно задавать философские вопросы.

Действительно, правильный вопрос – это вопрос, который правильно сформулирован и на соответствующем уровне абстракции (УА).

Ярким примером незнания уровней абстракций является история о том, как в ноябре 1999 года НАСА потеряло орбитальный аппарат Mars Climate Orbiter (МСО) стоимостью 125 миллионов долларов, потому что команда инженеров Lockheed Martin использовала британские (также известные как имперские) единицы измерения, а команда агентства использовала метрическую систему при расчётах ключевых операций космического корабля. В результате МСО врезался в Марс. Идея «уровня абстракции» играет абсолютно решающую роль в том, как нужно бережно относиться к любому информационному процессу, как следует договариваемся о нашем взаимодействии с миром, и, следовательно, в том, как развивать нашу философию и этику информации.

Существует много так называемых плохих открытых вопросов, то есть вопросов, сформулированных без учёта сорта УА, на котором возможные ответы на них будут разумными. К таким вопросам относятся вопросы: о «реальной» цене автомобиля без указания типа валюты; антиномии (тезисы и антитезисы) Канта, являющиеся по-отдельности разумными, а вместе – несовместимыми. Другими словами, плохие открытые вопросы – это вопросы, которые пытаются избежать или выйти за пределы, установленные любым соответствующим УА.

Тьюринг впервые указал, что на философские вопросы можно ответить, только установив УА, на котором есть смысл получать ответ. Например, Тьюринг отказался даже пытаться дать ответ на вопрос «Может ли машина мыслить?», потому что считал эту проблему «слишком бессмысленной, чтобы заслуживать обсуждения», поскольку вопрос связан с расплывчатыми понятиями, такими как «машина» и «мышление». Другими словами, это был открытый вопрос, в котором отсутствовал чёткий УА. Поэтому Тьюринг предложил заменить его имитационной игрой, которая в точности более управляема и менее требовательна. Поступая таким образом, Тьюринг определил УА – «валютой», которую он выбрал для игры, человеческий интеллект, но это могло быть что-то ещё, от животного интеллекта до человеческого творчества, как показали многие другие версии имитационной игры Тьюринга, – и задал новый открытый вопрос, который можно резюмировать так: «Можно ли сделать вывод, что машина думает на уровне абстракции, представленном имитационной игрой?» Так получился хорошо сформулированный открытый вопрос.

2 урок. ИКТ оказывает влияние на *все* сферы жизни человека, мы теперь живём в инфосфере – новом мире, в котором *мы начали переосмысливать себя*.

Легко привести примеры, начиная с онлайн-доверия до взлома, с цифрового разрыва до антиутопического «общества наблюдения», с конфиденциальности и свободы слова до Викиликс, с искусственных товарищей до кибервойн. ИКТ оказали радикальное и повсеместное влияние на нашу моральную жизнь и на современные этические дебаты.

3 урок. Тьюринг подводит к необходимости разработки новой философской антропологии – *с какой точки зрения следует решать философские проблемы*, когда мы понимаем, что что-то действительно важное и глубокое произошло в человеческой жизни после четвёртой научной революции.

Итак, информационные технологии и связанные с ними технологические приложения оказали как экстравертное, так и интровертное влияние. Они не только предложили беспрецедентную эпистемологическую и инженерную власть над естественными и искусственными информационными реальностями, но также пролили новый свет на то, кто мы есть, как мы относимся к миру и как мы понимаем себя и свой потенциал существования. В настоящее время мы постепенно воспринимаем смысл того, что мы не изолированные и уникальные сущности, а, скорее, организмы, чей субстрат и коммуникация взаимно связаны и являются частью среды, состоящей из информации, – инфосферы, которую мы разделяем с естественными или искусственными агентами, похожими на нас в некоторых отношениях. Тьюринг изменил нашу философскую антропологию так же, как Декарт, Дарвин или Фрейд. Это оказало значительное влияние на то, что значит заниматься философией после Тьюринга.

Лучано Флориди предположил, что *философия информации*, поскольку она продолжает питаться из источника работ Тьюринга, *может представлять собой инновационную парадигму*, открывающую поистине богатую, плодотворную и своевременную *сферу концептуальной рефлексии*. Философия информации стремится расширить границы нашего философского понимания, предоставляя инновационные методологии для решения наших наиболее важных проблем с современной точки зрения. Она опирается на интуицию Тьюринга относительно релевантности метода абстракции как важного инструмента для правильного решения этих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Floridi L. Persare l'infosfera. La filosofia come design concettuale. Chapter 4. Cinque lezioni filosofiche. Oxford University Press, 2020. PP.96–101.*

МЕТОДОЛГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ФИЗИЧЕСКОГО «Я» ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

О.И. Чернышова

Научный руководитель: к.п.н. Н.А. Лужбина

Алтайский государственный университет

Начиная с исследований У. Вундта и Г. Геймгольца в конце XIX в., отношение к психическим явлениям обуславливается механистическим подходом. Психика из области душевных феноменов переходит в область механистических эмпирических воззрений и является их продуктом [1].

Особенное развитие такой парадигмы происходит в недрах отечественной психологии. Изучение психических сознательных явлений осуществляется через призму физиологических процессов. С одной стороны, известные русские физиологи И.М. Сеченов и В.М. Бехтерев говорят о существовании понятия «схема тела», которая формируется на основе представлений человека о своих физиологических особенностях, строении тела и движении [2]. С другой стороны, формирование представлений о телесности складывается из социальных представлений и области предметной деятельности, существующих на данный момент в обществе, и берет свое начало в исследованиях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева [1, 2].

Особенного внимания заслуживает теория Н.А. Бернштейна, который рассматривает переход от двигательной активности к сложным речевым образам как эволюционный процесс, связанный с формированием новообразований центральной нервной системы и головного мозга [1]. Так происходит процесс перехода от двигательных актов, связанных с усложняющейся предметной деятельностью к образам, которые могут быть выражены вербально или за счет других символических обозначений, например, танца или рисунка, которые имеют индивидуальное значение для каждого человека. Складывающиеся индивидуальные образы телесного «Я» отображают, в результате, не только схематические построения тела, но и личные смыслы, которые человек отождествляет со своей телесностью.

Позднее, благодаря трудам таких отечественных исследователей как Е.Т. Соколова, В.В. Столин, И.И. Чеснокова, И.С. Кон, В.А. Лабунская складывается понятие «образ физического «Я»», «определяющееся как продукт целостного взаимосвязанного отражения в психике телесных явлений, в том числе вышеназванной «схемы тела», а также того, как человек будет описывать себя в терминах телесности, используя накопленный жизненный опыт и оценки от других значимых людей [2].

Теория опосредованного развития психики, интериоризации личностного опыта и опыта предметной деятельности, а также социального взаимодействия позволяет рассматривать образы телесности как проявления индивидуальности каждого человека через знаковые вербальные формы, в которые он облачает возникающие образы.

Мы можем рассматривать формирование образов телесности и в контексте историко-эволюционного подхода в психологии. Проявления физиологических аспектов телесности соотносится с организменным уровнем развития, а проявление образов физического «Я» облаченных в символические формы, уже относятся к личностному и индивидуальному уровням развития человека [1].

С середины XX в. для исследования таких индивидуальных образов используют методы анализа семантических форм, которыми человек обозначает эти образы. Так с 1952 г. Ч. Осгуд начинает применять метод семантического дифференциала для описания явления синестезии. Метод основан на процедуре ассоциативного эксперимента в сочетании с математическим шкалированием, что позволяет перевести личные субъективные конструкты в объективную математическую форму, с которой в дальнейшем можно производить любые дальнейшие операции, свойственные математическим объектам [3].

В 80-90-х годах прошлого века появились методики психологической субъективной семантики и психосемантики, разработанные отечественными психологами Е.Ю. Артемьевой, В.П. Серкиным и др., позволяющие моделировать структуры субъективного опыта личности, находить взаимосвязи между категориями психических феноменов, которые невозможно было раньше выявить другими методами [3, 4].

Применительно к исследованию образа физического «Я» методами психосемантики наиболее часто используются методики изображения слов, ситуаций, состояний и построения субъективных шкалированных пространств (субъективного шкалирования).

Зачастую методы психосемантики перекликаются с другими, например, проективными. Так в графическом тесте «Рисунок человека» испытуемые проецируют свой образ телесности в изображение фигуры человека, что позволяет экспериментатору получить информацию о сложившемся образе физического «Я» или его отдельных компонентах [5].

Методика субъективного шкалирования позволяет перевести субъективные представления человека в объективные оценки, а затем, используя методы многомерного статистического анализа (многомерный факторный, регрессионный, кластерный) определить границы и свойства семантических пространств, описывающих данное психическое явление. В отношении образа физического «Я» становится возможным определить не только компоненты образа, которые будут выражаться через оценки проявлений облика тела, лица, поведения человека, но также и гендерные репрезентации во внешнем образе личности [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
2. *Каминская Н.А., Айламазян А.М.* Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах // Национальный психологический журнал, 2015. № 3(19). С. 45–55.
3. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
4. *Серкин В.П.* Методы психосемантики: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.
5. *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. М.: Издательство МГУ, 1987. 174 с.
6. *Чернышова О.И., Лужбина Н.А.* Образ физического «Я» женщин зрелого возраста: постановка проблемы: сб. науч. тр. «Мой выбор – наука!»: сборник материалов VI региональной молодежной конференции, XLVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. С. 1027–1032.

ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦЕННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

И.В. Якунина

Научный руководитель: к.ф.н. Н.В. Николина

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Проблема идентичности и самоидентификации становится в информационном обществе одной из наиболее значимых ввиду непредсказуемости и высокой скорости социокультурных и технологических изменений, происходящих в современном обществе. Сетевая культура стирает границу дихотомии «Я-Другой», предопределяющей персональную идентичность и процессы самоидентификации человека.

«Другой» становится виртуальным, образ человека реального не соотносится с образом в сети: современный человек может осознавать свою идентичность на сайтах социальных сетей иначе, чем в реальном мире. Межличностное взаимодействие вытесняется коммуникативными практиками в информационном пространстве, что приводит к размыванию жизненных ориентиров, усложнению процессов идентификации и появлению различных форм идентичности: персональная, сетевая и др. Под сомнение ставится в целом возможность сохранения традиций и ценностей в обществе, которые ранее были основополагающими ориентирами в процессе самоопределения, и неоднозначность самой задачи самоопределения в условиях современного мира.

На смену идентичности коллективной, характерной для традиционной культуры, приходит персональная идентичность, определяемая некоторыми исследователями как осознание личностью собственного единства и целостности в пространстве и во времени [4], поиск собственной уникальности [2], или, исходя из бессубъектной антропологии постмодернизма, интерпретация «реальности и самого себя как некоего произвольно переформатируемого текста» [5. С.110]. Индивид в ситуации современной делокализованности задается вопросами о своей уникальности, непохожести на все возрастающую армию «Других», теряя базис в семантическом и аксиологическом плюрализме сетевых культур, превращаясь из индивида в «дивида» [3].

Потребность в личной идентификации и типизации предопределяет появление персональных данных как неких свойств и характеристик личности, а также инициирует становление института персональных данных. При этом в данном случае понятие «институт» нами понимается в трактовке Бергера П. и Лукмана Т. как социальные отношения по созданию «взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода» [1. С.92].

Опираясь на идею абсолютного различия, институт персональных данных способствует преодолению кризиса идентичности через постоянную фиксацию и накопление фактов человеческой жизни (совокупности сведений, позволяющих идентифицировать определенного человека).

Однако целесообразность существования института персональных данных ставится под сомнение самим человеком в условиях динамизма философского самосознания постмодерна и интенсивности социальных коммуникаций в информационном обществе, способствующих постоянному изменению и накопле-

нию персональных данных. С антропологической точки зрения, границы самоидентификации современного человека шире предлагаемых институтом персональных данных границ идентичности.

Не менее важным становится вопрос соотношения, с одной стороны, декларируемой государством ценности персональных данных человека и их защиты, в том числе в сети Интернет, а с другой стороны, неопределенность самого процесса персональной идентичности и отсутствие ценности персональных данных у самого их носителя. Поставленные вопросы, безусловно, требуют философского осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 1995. 323 с.
2. Блинова О.А. Обретение персональной идентичности: диалектика индивидуального и социального // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11 (149). С. 51–56.
3. Гречко П.К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 171–190.
4. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Спутник+. 2016. 147 с.
5. Маслова Е.С. Эрозия идентичности в постмодернизме // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 105–111.